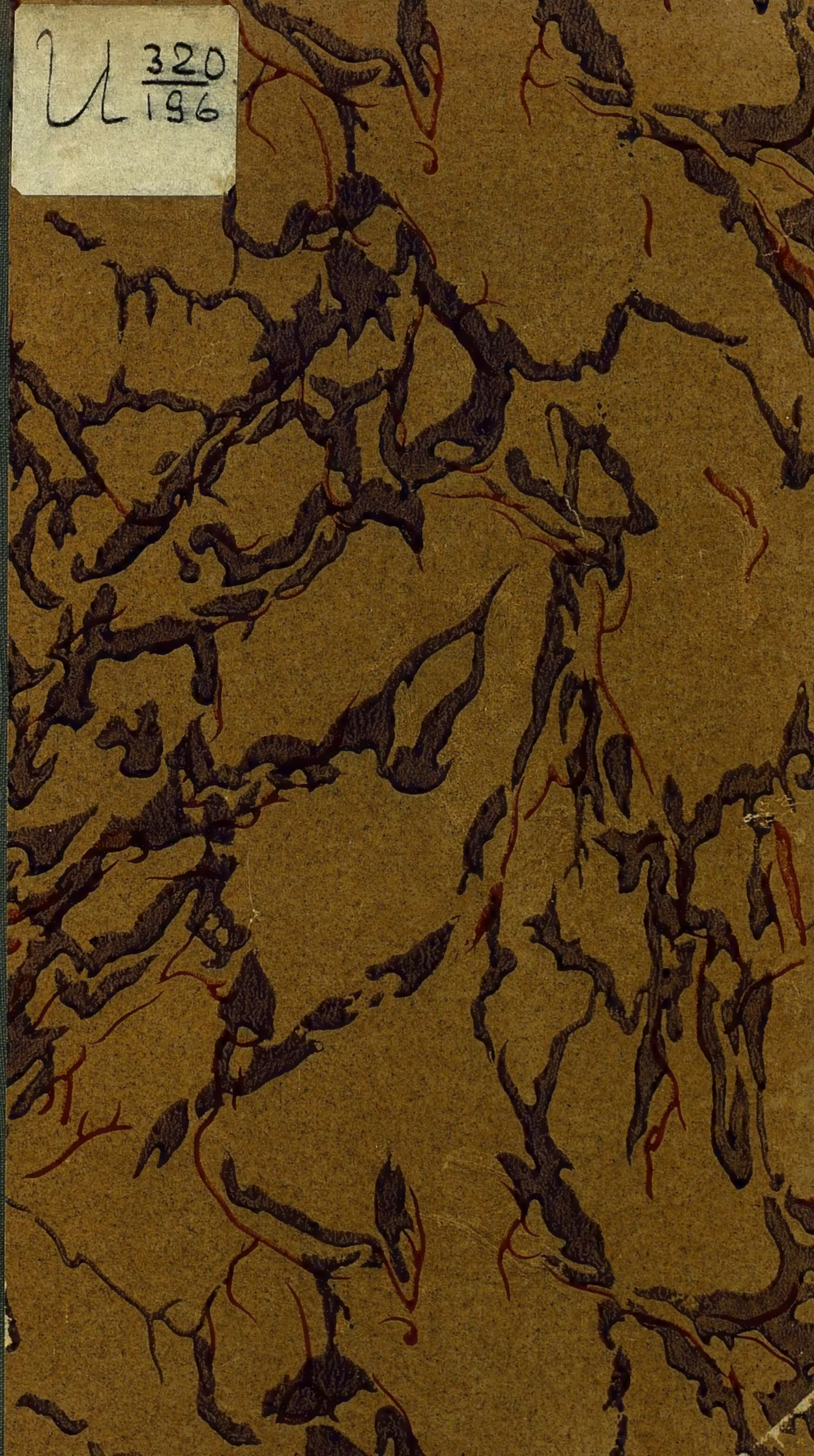
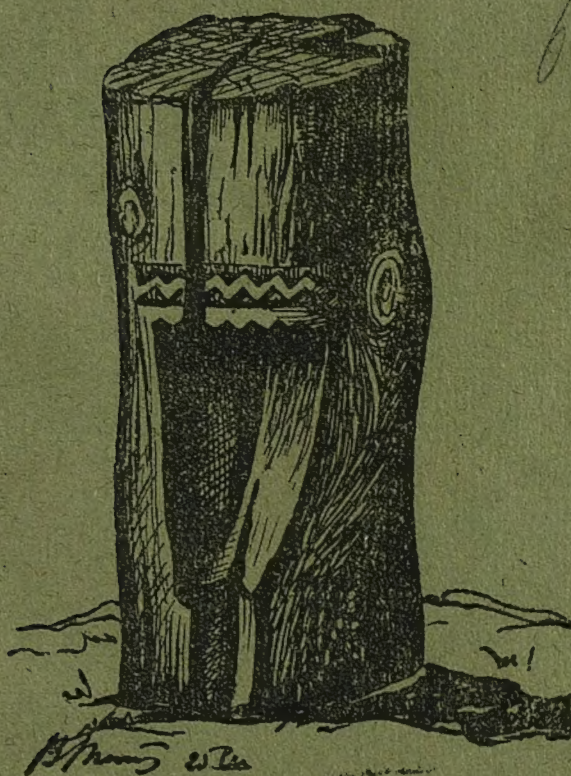

А. С. ГОВОРОВ.

ИВАНОВКА.

МОНОГРАФИЯ СЕЛА.

0479

Общество Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания при Самарском Государственном Университете.

А. С. ГОВОРОВ.

ИВАНОВКА.

Монографическое описание села Екатериновской волости Самарской губернии.

Иллюстрации исполнены художником В. А. Татариновым.

САМАРА.
1926.

Печатано в типографии Селькредсоюза, в количестве 1500 экз.

ОТ АВТОРА.

Работая над описанием села Ивановки, автор увидел, насколько трудна задача изучения современной деревни. Изучить деревню можно только коллективными усилиями, при чем очень важно обмениваться опытом краеведческих наблюдений. И это необходимо делать, хотя бы для практических целей. Ведь для работы волостного агронома, землемера-землеустроителя, сельского учителя, врача, работника по с.-х. кредиту и общественного работника волости—в одинаковой мере важно знать быт деревни, необходимо глубоко изучить тот сложный процесс бытообразования, который протекает под внешней, казалось бы, простой оболочкой крестьянского двора.

На путь внимательного изучения деревни меня привели невольные наблюдения в Самарской губернии голода 1921 года. Весной 1922 года, работая на Безенчукской с.-х. опытной станции, я начал собирать материалы для описания села Ивановки, Екатериновской волости, Самарского уезда. В начале работы существенную помощь мне оказало Сам. Об-во Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания, в заседании которого обсуждались собранные сведения об истории села Ивановки. Хозяйственный быт названного села оказался тесно связанным с характерными особенностями чувашской народности, что вынудило меня дополнить описание историко-этнографическим очерком. Понадобилось поместить и краткую историю сельского хозяйства, применительно к изучаемому району. На основании документов описаны дальше голодные годы, аграрная революция, ход современного землеустройства; цифры вскрыли яркую картину социально-экономического расслоения села и дальше выяснилась необходимость описывать отдельно общину и выделившийся из нее поселок. Автор сознавал необходимость расширить в должной мере прямые непосредственные наблюдения над бытом села; хотелось более полно обследовать отдельные крестьянские хозяйства, детальнее обрисовать культурно-бытовую и общественную жизнь деревни, но писать «Ивановку» пришлось в условиях суетливой практической деятельности,отчего сократился об'ем работы и отдельные части задуманной монографии остались недоразвитыми.

Да и в этом об'еме описать Ивановку удалось в значительной мере благодаря поддержке, которую мне оказало упомянутое краеведческое общество и следующие лица: проф. А. Ф. Фортунатов, К. Ю. Чехович, В. П. Арапов, П. А. Преображенский, Б. З. Валицкий, проф. А. И. Безсонов, М. Я. Феноменов. Прямое участие в работе приняли слушатели Самарских Высших Этнолого-Археологических Курсов, силами которых разработаны генеалогические данные. Надо упомянуть и о том, что материалы для описания выделившегося из общины поселка, собраны весной 1925 года коллективом сельских учителей летних Сам. Губ. Курсов.

Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность всем лицам, содействовавшим в работе, приносит благодарность и Заведывающему Сам. ГЗУ. И. И. Тюрникову за матерьяльную поддержку издания.

А. С. Говоров.

Самара, 1925 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Современная деревня имеет глубокие вековые корни своего бытия, отчего и житье-бытье нашего крестьянина столь оригинально своей самобытностью. В отдельных районах нашей необ'ятной страны этнически разнородное население стойко сохраняет в своей материальной и духовной культуре весьма характерные особенности. Поэтому вопрос о методике изучения деревни приобретает в наши дни особое значение и большую сложность.

Исследователь деревни должен прежде всего обнаружить неразрывную связь хозяйственно-бытовых отношений с совокупностью всех природных условий, с ландшафтом*). Каждое селение, каждое хозяйство, каждый хозяйствующий человек, подчиняя себе окружающую природу, все теснее сливаются с природными особенностями страны; с ними роднятся и громадные волны творческих сил людских поколений. Поэтому необходимо изучение деревни связать прежде всего с краеведческим изучением местной природы.

Производительные силы деревни зависят вместе с тем и от аграрных, и от социально-экономических отношений, и от уровня земледельческой техники. Надо тщательно изучать изменения в формах землепользования, кропотливо собирать и группировать цифровые данные, характеризующие производственные элементы крестьянских хозяйств (статистико-экономическое изучение деревни) и надо описывать самую технику земледелия во всех отраслях деревенского хозяйства.

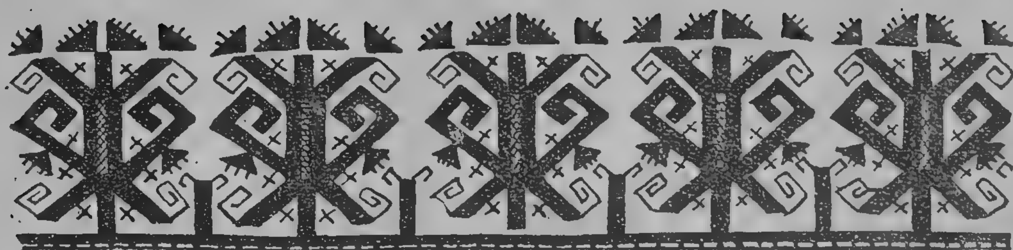
Для полного изучения деревни мы должны стремиться к познанию и бытовых явлений; надо приблизиться к пониманию сложных процессов бытообразования в современной деревне, надо внимательно отнестись к самому хозяину-земледельцу. Историко-этнографический подход позволяет описать развитие навыков и привычек земледельческого населения, которые в большинстве являются хозяйственными привычками, имея под собой производственную основу. И человек изучается, как фактор производства.

*) Проф. Л. Берг, географическим ландшафтом называет всякую область, в которой характер рельефа, климата, растительного и почвенного покрова и, наконец, культуры человека сливаются в единое гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении известной зоны земли.

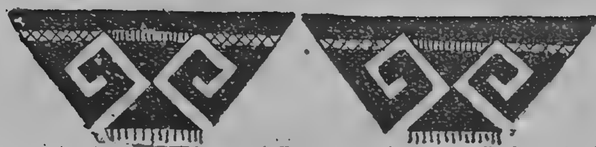
Мы строим свои наблюдения в пределах одного села. Могут ли эти наблюдения, помимо живого изображения одного села, открыть процессы и бытовые сдвиги, происходящее в бесчисленном ряде деревень? Несмотря на вариации, зависящие от местных условий, изменения социально-экономических отношений имеют закономерности в своем развитии, и выводы, правильно построенные при изучении одного села, могут оказаться пригодными к большому ряду однотипных селений. Ведь и статистическая мысль в методе бюджетных исследований пришла к той же необходимости—изучать молекулы экономических явлений, (одно крестьянское хозяйство) и эти бюджетные исследования уже приводят экономистов к пониманию природы крестьянского хозяйства. Так и монографии отдельных селений дадут возможность познать жизнь деревни при описании одного или нескольких конкретных селений. Существенно и то, что монографический метод избегает ошибок суммарных, нивелирующих цифровых данных и тех сведений, которые добыты в поверхностных, беглых наблюдениях.

Глубокое знание сельско-хозяйственного быта и познание закономерностей в жизни села дадут необходимые выводы для практической работы, откроют реальные пути для переустройства современной деревни. Как относиться к стихийному дроблению многодворного села, которое протекает одновременно с социально-экономическим расслоением деревни; куда направлять творческие импульсы и самодеятельность земледельческого населения; к каким оптимальным (наилучшим) формам общежития и хозяйствования в деревне нам надо стремиться в каждом отдельном районе; как правильнее решать, применяясь к бытовым и всем местным условиям, практические землеустроительные и агрикультурные задачи, и наконец, как улучшить вообще деревенский быт.

Особенно настойчиво зовет к себе научную мысль деревня Самарской губернии, в пределах которой с большим трудом изживаются потрясения голодных лет.

ИВАНОВКА.

Природные особенности района.

Облик местности. Против южной равнинной части Самарского уезда лежит горный лесо-степной берег Волги, характерный чернолесьем Самарской Луки. Лесной растительностью особенно изобилуют овраги, прорезывающие в северном направлении Жегулевские горы. Если подняться на этот правый высокий берег Волги возле селений Мордово и Сюрюкава, то по направлению на юг за Волгой на равнине взглядом можно охватить несколько больших волостей южной части Самарского уезда. С высот видны необ'ятные дали. Волга течет внизу. На западе белая лента реки поворачивает между песчаными отмелями на юг к городу Сызрани. Группами больших деревьев украшена пойма за Волгой, здесь и кустарники и значительная площадь заливных лугов с сочной зеленью, с богато-цветущей флорой волжской долины. Взгляд убегает дальше на юг, где степная равнина, имевшая прежде растительный покров из ковыля и других степных трав, теперь пестреет полями разбросанных во множестве земледельческих поселений. Только прибрежные, многодворные села видны хорошо, а в синеющем горизонте степные поселки и даже большие села невооруженному глазу почти незаметны. В призматический бинокль можно отыскать на равнине дымок поезда и железно-дорожные станции: Мыльное, Майтугу, Безенчук, Ерики и Иващенково*). Ближе к берегу, за селом Екатериновкой, видна и Ивановка. В пространстве зеленеющих полей заметна издали ее каменная белая церковь.

Рельеф. Ивановка расположена над самой поймой Волги, на левом степном ее берегу. Надельные земли Ивановки, захватывая часть поемных волжских лугов, расположены по равнине, которая в геологическом отношении представляет из себя верхнюю древнюю террасу Волги; к востоку от села особенно хорошо заметен этот террасовидный уступ над поймой; с запада Ивановка примыкает к яру над рекой Безенчук. Равнина, приближенная к Волге, обнаруживает сравнительно с другими ее частями значительное расчленение: близь Ивановки, кроме холмиков дюнного характера, рельеф разнообразится несколькими оврагами, впадающими в реку Беченчук и в реку Мочу. Южнее же Ивановки между долинами названных рек лежит менее расчлененная широкая равнина. Верстах в двадцати к югу заметна сыртовая гряда, по направлению к ней дорога на протяжении многих верст незаметно поднимается по пологому склону. Оборачиваясь с этих высот на север, можно видеть гро-

*) Полотно железной дороги можно проследить на протяжении 50 вер.

мадный земельный массив, ограниченный лишь на горизонте течением Волги: виден синеющий вдали горный берег. Дальше на юг за сыртовым перевалом крутой склон сырта к реке Чагре, изборожден многочисленными оврагами.

Почвенный покров. Почвенный покров этой местности далеко не однороден. Равнинное пространство верхней волжской террасы сложено глинистыми осадками. Суглинистый характер грунтов к В от реки Безенчук является причиной большого развития здесь тяжелых почв, но этот покров не сплошной; близь Ивановки мы наблюдаем и песчанистый состав материнских пород, где вдоль р. Безенчук эти песчанистые толщи отчасти всхолмлены в дюны. (Выходы песчанистых пород являются продуктом размыва склонов сырта). Возле Ивановки обыкновенный средний чернозем является почвой далеко не тяжелой, что об'ясняет ее сравнительную рыхлость. Для верхнего горизонта имеются следующие данные химического анализа: гумуса $8._{11}$% и общее количество песку $64._{14}$%, глины $35._{86}$%. Можно отыскать образцы чернозема меньшей мощности. Песок заметен в этих почвах на глаз. Почва комковата, не плотна и во всяком случае менее гумусна. На склонах к овражкам, разрезающим равнину, есть пятна солонцов. Здесь почва умеренно рыхла, темносерого цвета, солонцевата. Верхний горизонт этих почв резко отделяется от нижележащего плотного, коричневатого слоя со столбчатой отдельностью, который к низу постепенно светлеет и теряет резко выраженную структуру. Такие солонцы встречаются в окрестностях с. Ивановки преимущественно пятнами и весьма редко занимают сколько нибудь заметные площади.

Таким образом окрестности с. Ивановки обнаруживают некоторое разнообразие почвенного покрова, распределение которого существенно зависит от рельефа.

Структурные особенности почвенного покрова. Наблюдая ближе описанные почвы, мы видим, что верхний горизонт чернозема имеет свойство разламываться в вертикальном направлении на большие куски, которые в свою очередь распадаются на более мелкие комочки, сформированные деятельностью корешков, но и эти комочки легко распадаются на еще более мелкие зерна, которыми характеризуется структура чернозема. Чем глинистей чернозем—тем лучше выражена его зернистость потому, что способностью свертываться и образовывать комочки обладают только самые мелкие иловатые частички и чем больше этих частичек в почве, тем легче она образует зерна. Прочность чернозема зависит и от накопления между его частицами свежего перегноя, т. к. старый перегной растертых в пыль комков не может их склеить. При постоянной обработке все большая часть этих зерен распыляется, пока совершенно не утрачивается структура почвы; наоборот, когда поля оставляются под залежь и когда по ней пасут скот, прочность комковатой структуры восстанавливается, почва становится способной пол-

ностью вместить в себя всю выпадающую в нее воду и прочно защитить сделанный ею запас от бесполезного испарения.

Распыление чернозема проявляется в пылевых буранах. В сухую погоду при сильном ветре наиболее мелкие частички почвы легко поднимаются в воздух. Такую особенно сильную пылевую бурю пришлось наблюдать летом 1921 года. Мне, застигнутому этой бурей в селе (недалеко от Безенчука), в нескольких саженях ничего не было видно, ощупью удалось добраться до первой избы. Черные пылевые тучи неслись в вышине, стало темно, казалось что приближается грозовый вихрь. Но минут через 15 горизонт посветлел, на иссохшую землю не упало ни капли дождя.

Крестьяне, в частности ивановские чуваши, считают, что только выпас скота по залежам (иначе „толока") восстанавливает структуру почвы, уничтожает в полях сорные травы и повышает урожайность яровой пшеницы, высеваемой по «утолоченной» пашне. «Наша земля уважает великую толоку», говорят крестьяне.

Производительность почв. Как и во всем Самарском уезде, производительность почв окрестностей села Ивановки очень низкая, во всяком случае не превышает средние статистические данные по уезду. Средний сбор с 1 казенной десятины в пудах за 14 лет (с 1910—1924 г.) определяется следующими цифрами: яровая пшеница 38.0, озимая рожь 37.8, просо 30.5. Причины столь низких средних урожаев хлебов кроются в отсталой технике земледелия, посевы заглушаются сорными травами, отнимающими у культурных растений драгоценную в наших условиях влагу. Низкая урожайность зависит и от особенностей капризного климата. Резкие колебания урожаев в отдельные годы характеризуются цифрами:

Средн. урожай по Сам. у. в пудах на казенную десятину

Наименование культур.	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Озимая рожь	44	15	59	69	36	68	39	23	66	33	11	2	32	33	20	54
Пшеница	56	8	44	53	43	54	23	12	42	22	10	3	31	32	17	55
Просо	38	13	50	76	9	47	41	17	37	27	8	3	22	40	19	23

Климат. Климат Самарской губернии характеризуется частой повторяемостью засушливых периодов и резких засух, а также значительным дефицитом осадков по сравнению со всей страной. Общее количество выпадающей влаги в среднем выводе для всей Самарской губернии составляет 358 мм.*), тогда как на всей территории Евр. России

*) Средняя цифра годового количества осадков по определению Безенчукской с.-х. опытной станции, расположенной в 6 верстах от Ивановки,—341.9 мм. Это средняя цифра за 20 лет. Максимум годовой суммы осадков 469 мм. (1916 г.) минимум 233 м.м. (1921 г.).

годовое количество осадков колеблется от 400—600 мм. Но и указанного количества влаги было-бы вполне достаточно, как для дикой, так и для культурной растительности, если бы влага ввиде дождей распределялась по месяцам равномерно. Но метеорологические наблюдения говорят о весьма сильных отклонениях годового хода осадков от нормы в сторону понижения; общая сумма осадков вегетационного периода нередко снижается до величины совершенно недостаточной для нормального развития культурных растений.

По отдельным месяцам в выпадании осадков наблюдались большие колебания:

	Ян.	Фев.	Мар.	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сен.	Окт.	Нояб.	Дек.
Наибол.	32	26	30	71	66	87	132	85	78	56	57	22
Наимен.	6	1	9	0	0	5	5	6	21	3	4	3

В любом месяце вегетационного периода месячные суммы осадков понижаются до 0—10 м.м., т. е. до величины практически бесполезной для с.-х. растений. Это и об'ясняет резкие колебания урожаев зерновых культур, зависящих главным образом от количества осадков, выпадающих в течение мая и июня месяцев.

О продолжительности засушливых периодов говорят данные голодных 1911 и 1921 годов. Засуха в 1911 году продолжалась непрерывно 40 дней, а в 1921 г. наблюдалась засуха исключительной продолжительности в 90 дней (с 1 апреля по 30 июня).

Указанные климатические особенности нашего района обусловлены географическим положением Самарского края в глубине материка, вдали от обширных морских пространств.

Отсюда и резко выраженная континентальность климата: чрезвычайно большие колебания температуры, как в годовом ходе (от холодной зимы к жаркому лету), так и в суточном ходе этого элемента (от прохладной ночи к жаркому дню), сравнительная сухость воздуха, недостаток атмосферных осадков и интенсивность испарения. Кроме того, приходится постоянно считаться с возможностью всяких неожиданностей и глубоких отклонений любого элемента погоды от его нормального хода.

Вот главные черты нашего климата.

Влияние климата на сельское хозяйство.

Интенсивность повышения температуры весной накладывает особый отпечаток на характер сельско-хозяйственных работ. Посев яровых приходится вести с большой поспешностью. Необходимость спешного засева полей весной вызывает повышенную потребность хозяйства в рабочем скоте и в мертвом инвентаре.

Кратковременная весна сменяется жарким летом. Повышенная температура летом обусловливает ускоренный процесс вегетации всех растений и с другой стороны позволяет культивировать однолетие растения, свойственные южному климату (кукуруза, арбузы, дыни, тыква и некоторые огородные овощи).

Однако основной полевой культурой у нас до сих пор являлась яровая пшеница. Она развивается обычно очень интенсивно и заканчивает весь цикл своего развития в 85—90 дней. Поэтому урожай яровых находится в весьма тесной зависимости от количества дождей, выпадающих в продолжении 60 дней первой половины лета.

Для устойчивости хозяйства наш земледелец принужден думать о введении в севооборот других полевых культур, развитие которых задерживается до второй половины лета—это пропашные растения: кукуруза, картофель, просо, подсолнух, из бобовых: горох и чечевица.

Историко-этнографический очерк.

Население степи. Все пространство, на которое мы смотрели с высот Самарской Луки, не так давно было «дикопорозжей» степью. До конца XVIII столетия степь была занята волжскими калмыками, кочевавшими по всей широкой равнине между реками Самаркой, Волгой и Яиком (Уралом).

Калмыки заняли это пространство в 1630 году, сменив кочевавших здесь ранее ногайцев. В XVII столетии калмыки еще являлись опасными соседями возникавших русских городов и земледельческих поселений. Достаточно напомнить попытку калмыков взять в 1639 году город Самару. В 1673, 77 и 1684 годах от калмыков были взяты «записи о бытии им в здешнем подданстве и о спокойном обращении», что однако не установило прочных взаимоотношений русских с калмыками. Систематическая колонизация даже нагорной стороны началась лишь с половины XVII столетия. В 1734 году впервые на юг от Самары отправляется, так называемая, Оренбургская экспедиция под начальством Кирилова для построения крепостей по р. Самаре и для основания Оренбурга. Заволжские степи и в средине XVIII столетия еще продолжали лежать «в пусте» и хозяйственное использование их было доступно лишь кочевому населению.

Обычно весной и осенью стада калмыков бродили по необозримой степи, к зиме они отодвигались далеко на юг к Каспийскому морю. Но в летнее жаркое время года кочевники держались при Волге и при впадающих в нее реках. Многочисленные стада в жаркие дни нуждались в местах, обеспеченных свежей водой и кормами, особенно в годы резких засух, когда степь выгорала.

Еще в 1769 году калмыки доходили своими кочевьями до наших мест, богатых заливными луговыми угодиями. Правительством точных мест для пребывания калмык назначено не было. Администрации заволжских провинций такие отводы делать не представлялось ни малейшего повода, не заботились об этом и сами кочевники. Правда, на левом берегу Волги уже находились отдельные селения, но калмыки в

том тесноты еще не чувствовали и жителям этих сел беспокойств не причиняли.

Возникновение первых земледельческих поселений.

Первые опорные пункты на левом берегу Волги ниже Самары заняли инородцы из мордвы и чуваш, происшедшие из тех старожильцов Самарской Луки, которые при возникновении вопросов о землепользовании ссылались на грамоты казанских царей.

Эти инородцы, не опасаясь близкого присутствия калмыков, переселялись на левый берег Волги, стремясь уйти из жестких об'ятий крепостного быта. Инородческие названия сел, существующие параллельно с русскими, дают основание считать, что эти села возникли до момента административно-помещичьих переселений. Таковы чувашские села «Улхаш» (Покровка), «Туй-Бахтуй» (Александровка), «Писентик» (Ивановка) и др. За инородцами последовали и другие жители горного правого берега Волги и на луговой стороне в займищах и лугах земледельцы завели отчасти хлебопашества, но в большей мере пользовались покосами «наездом». Новые села стали появляться без всякого им отвода; жители этих сел, не зная меры своих владений, не стали допускать калмык на все те места, где до этого кочевники располагались на летние стоянки.

Между кочующими калмыками и первыми земледельцами края стали, естественно, возникать конфликты. Покосы на луговой стороне для земледельцев были сопряжены с большим риском; уезжая партиями на работы, бабы прощались с домами, плакали, отправляясь как бы на войну. Оставаться на ночлег отдельными семьями не решались. Даже на правом берегу жители не были гарантированы от набегов калмык и возле некоторых сел Самарской Луки (напр. дер. Кармалы) мы находим древние «городища», где была возможность отсиживаться в опасные моменты прежнему оседлому населению края.

В связи с указанными фактами сенат в марте 1767 года рассматривал вопрос о размежевании земель калмыцких от тех, на которых жили русские переселенцы. Но за недостатком в инженерных офицерах межеванье не было осуществлено и в конце 1769 года.

Предполагалось принять такие распоряжения, чтобы калмыки действительно не имели оскудения ни в воде, ни в скотских кормах. Чтобы помирить их с тамошними жителями и предполагалось снять на план все пространство земли, лежащее между рек Волги и Яиком, начиная от Самары и до Каспийского моря; обозначить на плане все реки, озера и др. привольные и приметные места. Эти работы должны были показать—насколько действительно тамошние места неудобны и между неудобными отыскать все же подходящие места для назначения их калмыкам, вместо употребляемых под селения вблизи от Волги. Снимаемая карта должна была дать достоверные сведения о всем пространстве между Волгой и Яиком, чтобы выяснить—могут ли быть заведены и

еще новые селения без утеснения калмыцкого народа. Доклад о проектируемом размежевании был подписан четырьмя лицами: гр. Паниным, кн. Александром Голицыным, графом Гр. Орловым и Никитой Бекетовым.

Бегство кочевников.

Пока в кабинетах именитых сановников в сенате в С.-Петербурге ставились для решения изложенные вопросы—в степи в это время разыгралось исторически любопытное событие, упомянутое, между прочим, в историческом труде Реклю. 5 января 1771 года калмыки с семействами и стадами своими тронулись с берегов нижней Волги в древнюю отчизну Зюнгорию (в Китай) на реку Или и там были приняты в китайское подданство*).

Историк и житель Заволжья П. И. Рычков, об'ясняя это событие в письме академику Миллеру, с горестью сообщал, что «команды, отправленные для преследования калмык, не возмогши ничего над ними произвесть, (вследствие их отдаленности), будучи от похода степного изнурены крайним голодом и болезнями, принуждены были возвратиться на линию».

После этого вся степь к югу от Самарской Луки оказалась свободной для заселения ее земледельцами. Разнесшийся слух о бегстве калмыков и о запустении через это многих земель по всему Поволжью произвел большое брожение в населении ближайших наместничеств. Жители спешили к г. Ставрополю и др. места и не думая долго о том, чья земля, тут селились считая себя вольными.

Колонизация района в конце XVIII столетия.

Перед уходом калмык произошли перемены и на территории Самарской Луки, отразившиеся на судьбе и нашего района. В 1768 году, апреля 23 дня Екатерина II по прошению близких к престолу пятерых братьев Орловых приписала к казенному ведомству собственное их недвижимое имение, рассеянное в разных губерниях с 7036 душами крестьян, и взамен их пожаловала именное, состоящее тогда в Симбирском и Сызранском уездах с 9571 душами, принадлежащее прежде монасырям Ново-Девичьему, Благовещенскому, Рождественскому, Савво-Сторожевскому и др. В состав пожалованного имения входили села: Ново-Девичье, Куськино, Усолье, Рождествено, Винновка, чувашские деревни: Березовый Солонец, Сюрюкава, Кармалы, Тайдахтино, Чирикеево и мордовские деревни: Бахилово, Торновое, Ширяево, Борковка, Шелехметь

*) Калмыцкая орда состояла из 30.000 кибиток. До Джунгарии добрались только немногие; главная масса калмыков была совершенно разбита киргизами в побоище на юго-западной стороне озера Балхаша; другие на пути были разграблены киргизами-бурятами, или кара-киргизами, а некоторые по незнанию дороги заходили в безводные местности и там вместе со скотом гибли.

Небольшая часть калмыков осталась возле г. Ставрополя на землях, отведенных им для оседлой жизни. Во время Пугачевского движения ставропольские калмыки прорвались на левую сторону р. Самарки, обеспокоив этим немногочисленных тогда жителей Засамарской степи.

и Плетневка*). Все эти села и деревни даны были братьям Орловым со всеми приписанными землями, лесами, лугами и др. угодьями. Кроме того Орловым высочайше повелено было отвести на луговой стороне реки Волги ниже города Самары еще земли к деревне Кануевке из пустопорожней на каждую ревизскую душу по межевой инструкции. Этой статьей сильные графы воспользовались и вместо одной Кануевки в их распоряжении оказались все те селения, населенные из сел горной стороны, которые идут от города Самары по луговой стороне Волги до самых хуторов Печерских (на протяжении около 100 верст).

О возникновении сел Екатериновской волости известно, что делом выселения крестьян на луговой берег заведывал главный управляющий Орловых—Мещеринов**), живший в селе Головкине, Ставропольского уезда.

По приказу Мещеринова в 1780 году возникли села: Екатериновка, Григорьевка, Владимировка, Алексеевка, Александровка и чувашское село «Писектик» было включено в 5-ую ревизию 1795 г. под наименованием «Ивановка». Этой судьбы крепостной зависимости не избегли и др. инородческие деревни, находившиеся в соседстве с вновь возникающими селениями помещиков. Иногда дворы русских крепостных крестьян вселялись в уже существовавшие инородческие деревни. Смешаное население до сих пор мы имеем в с. Покровском и Александровке.

18 ноября, 1791 года между графами Алексеем, Федором и Владимиром произведен был раздел, а по смерти Федора Григорьевича сделан раздел между двумя остальными братьями. Графу Алексею Григорьевичу досталась между прочим вся Екатериновская волость, где находится с. Ниж. Ивановка, а Владимиру Григорьевичу среди других досталось селение Покровское и большое Усольское имение.

Колонизация земель, примыкающих к нашему району с юга, связана с историей имения б. Самарина, возле сел Спасского и Васильевки, лежащего также на левом берегу Волги. Это имение являлось частью громадной дачи (более миллиона дес.) пожалованной Петром Великим боярину Федору Алексеевичу Головину. В 1707 году дача эта поступила в приданое дочери Ф. А. Головина и, при выходе ее замуж за кн. С. Б. Голицына, оставалась долго в роде кн. Голицыных, при чем она разделилась на несколько частей. Одна из этих частей досталась княгине Белосельской, а когда имение это вышло из ее рода, то ее двоюродный брат В. Н. Самарин (дед Юрия Федоровича Самарина, известного славянофила) выкупил имение сообща с кн. Урусовым. К этому времени *в 1776 году громадное пространство имело одно не-*

---

*) Центром этого большого имения было село Усолье, расположенное в западной части Самарской Луки, возле устья реки Усы, на левом ее берегу.

**) Этот управитель, по сведениям занесенным в церковную летопись, был страстным охотником, ездил на луговой берег Волги еще до выселения крестьян со своими псами, охотился на диких зверей в лесах, росших по берегу Волги и в степях и сам назначал места для переселенцев.

большое поселение Аннино на берегу Волги. Самарин с Урусовым сначала владели имением сообща, а потом разделили его между собой, при чем за кн. Урусовым осталась южная половина имения, а за Самариным северная. В. Н. Самарин немедленно по выкупе имения (1776 г.) стал переселять в него своих крестьян из Ярославской, Тверской и Тульской губерний и таким образом в конце XVIII столетия были основаны села: Спасское, Васильевское, Озерецкое и Владимировка на реке Свинухе.

При императоре Павле, вследствие множества процессов, которые возникли по всей даче боярина Головина, было повелено нарезать всем вотчинникам по 15 десятин на ревизскую душу, а всю остальную землю отобрать в казну. В силу этого распоряжения было отрезано из части, принадлежавшей Самарину и др. лицам значительное количество земли в казну, а из казны при Николае I эта земля перешла в Удел. Вот почему в южной части Самарского уезда даже перед революцией 1917 г. мы находим большое количество удельных земель.

Этнографическая пестрота населения. Ввиду описанного характера колонизации нашего края, мы имеем в его населении большую этническую пестроту: чуваши, мордва, немцы-колонисты, поселившиеся впоследствии на удельных участках, украинцы, белорусы и великоросы—перемешаны в пределах юга Самарского уезда благодаря смешанному колонизационному потоку. Некоторые из национальных меньшинств, окруженные плотным кольцом русского населения, в частности чуваши, немцы менониты, продолжают до наших дней сохранять свои характерные бытовые особенности. Неодинаков и хозяйственный агрикультурный уровень этнографически пестрых селений.

Социально-экономические и аграрные отношения в крепостную эпоху.

Сельско-хозяйственный быт инородческих поселений. Немногочисленные земледельческие поселения инородцев, чуваш и мордвы, которые в конце XVIII столетия оказались на территории занимаемых помещиками имений, оказались в административной зависимости от помещика, в его полном хозяйственном распоряжении. Официальное право владеть землей имели только дворяне, в силу чего самовольно бежавшие за Волгу крестьяне не могли устроиться независимо от крепостных отношений.

Сельско-хозяйственный быт того времени отличался крайней неустойчивостью. Несмотря на усилия администраторов и помещиков заселить скорее обширный край, земледельческих поселений, особенно в заволжских степях, в конце XVIII столетия, было немного. Энергичные хозяева, подобные П. И. Рычкову, могли только мечтать в то время об «умножении земледелия», отмечая при этом крайнюю его слабость и от-

сутствие прочно сложившихся хозяйственно-бытовых взаимоотношений. Что представляли из себя в те времена сами крестьяне земледельцы?

«Обыватели, между которыми большая часть была татар, новокрещенных из чуваш, мордвы, черемис и называющихся не помнящими родства—все почти недавнешние сходцы и переведенцы из разных мест. Очень часто земледельцы в крайней бедности, без одежды, голодные, задолжав многим, принуждены укрываться от своих заимодавцев; не имея домов, скота и лошади, чем бы приняться за пашню—препровождают жизнь унылую и праздную».

Социально-экономические условия, мы видим, стояли в противоречии с теми широкими возможностями, которые были скрыты в окружающей земледельца природе.

Заботы администраторов об умножении земледельцев.

При крайне экстенсивной системе хозяйства основной производительной силой в хозяйстве помещика был человек. Помещику нужно было его размножать с целью увеличить посевную площадь в своих вотчинах. Да и земля при межевании нарезалась помещику, как мы видели, в соответствии с наличием крепостных крестьян по последней ревизии.

В «наказе прикащикам»*) П. И. Рычков дает ряд наставлений, как умножить количество земледельческого населения и между прочим советует: «наблюдать, чтоб из крестьян молодые люди далее 18 лет, а по крайней мере свыше 20 холостыми не шатались.» Рычков предлагал «усматривая таковых, поощрять их отцов и их самих к женитьбе, приискивая им девок в тех деревнях, кои б согласовали их возрасту». Эти мероприятия были хозяйственно вызваны тем, что размеры землевладения и рост помещичьего сельско-хозяйственного производства зависели от количества крепостных крестьян.

Отсюда понятно почему в Заволжье пришли крупные вотчинники: братья Орловы, Головины, Урусовы, Самарины и др. С ограниченным количеством крепостных в заволжских степях можно было в те времена не только затеряться, но и растерять последних крестьян. Эти факты прямым образом влияли и на аграрные отношения.

Генеральное межеванье земель.

В 1806 году, 13 ноября было учинено размежеванье Екатерининского именья братьев Орловых, которое числилось в Усольской волости, Симбирского уезда и губернии. В момент межевания это был уже Самарский уезд. В книге генерального межевания E_3 поименованы села: Екатериновка, Федоровка, Алексеевка, Григорьевка и чувашская Ивановка, пожалованные братьям Орловым вместе с пашенной землей и сенными покосами. Когда в 1806 году производились межевые работы, граница отрезала обширные владения Орловых от «дико-порожжей» степи. Во всей окружной меже оказалось 32.674 дес. 2385 кв. саж., из которых около 6000 дес. числилось неудобной и под большой Оренбургской дорогой.

*) Опубликованном в трудах Вольно-Экон. Об-ва в конце XVIII ст.

Дальнейшая судьба Екатерининского имения. Наследницей Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского была его дочь Анна Алексеевна, прославленная эпиграммой Пушкина (оставшись в девицах эта помещица была поклонницей Архимандрита Фотия). Ее административные мероприятия свелись к постройке каменных церквей в Екатериновке и, после крещения чуваш, в Ивановке. Церковно-служители добросовестно вели учет основного капитала, людей в исповедных росписях, в метрических книгах рождений, смертей и браков. В силу хозяйственных соображений нельзя было допустить существование чуваш-язычников, ускользавших от указанной единообразной регистрации и по приказу А. А. Орловой чуваши Ивановки были принудительно крещены в 1829 г.; ниже будет подробно рассказано об этом событии*).

В 40-х годах вместе с широкой полосой степи Екатерининское имение Орловых приобретает Удельное Ведомство, оно усиленно заботится о заселении своих громадных владений. Возникают новые селения по реке Безенчук (с. Васильевка, Красноселка и др.) Сюда переселяются удельные крестьяне из центральных губерний и из смежных районов лесо-степной полосы.

Но эти административные переселения крепостной эпохи не могли вовлечь в хозяйственный оборот громадные пространства степи и характер целинного степного ландшафта сохраняется в окрестностях Екатерининского имения до 70-х годов, до момента сооружения в пределах юга Самарского уезда линии железной дороги.

Краткая история сельского хозяйства в районе.

Скотоводческое и залежное хозяйство. После ухода калмык большие площади «дико-порозжей» степи использовались главным образом под нагульное скотоводство. Графиня Орлова сдавала степные угодия в аренду купцу Шахобалову, который вначале использовал степи почти для одного овцеводства. Арендаторами степных угодий являются и вольноотпущенные богатые крестьяне Орловой, проживавшие в Екатериновке.

Однако уже в начале XIX столетия начало намечаться то направление в сельском хозяйстве, которое впоследствие развилось в зерновую систему. В стремлении использовать под полевое хозяйство степные целинные земли, землевладелец, или арендатор земли, торопились распахивать все новые и новые участки степи. Полевое хозяйство имело залежный севооборот с распашкой 2-х карт из 9-ти, или 12-ти и с посевом только яровых хлебов. Ежегодно под распашку поступала одна новая карта залежная, по которой высевалась яровая пшеница, в следующий год на ней по обороту пласта сеялась опять пшеница,

*) См. приложение 1-е.

а затем пашня на много лет запускалась в залежь. В то время, при избытке нетронутых обработкой почв, залежная система являлась рациональной. Структура чернозема восстанавливалась, сорные травы не успевали развиться на свеже-распаханных землях При высоких урожаях такое экстенсивное земледелие было доходным.

Рост посевной площади. И поэтому посевная площадь растет. В Екатериповке поселяются посевщики, иногда из отставных чиновников, пускающие свои сбережения для организации посевов на участках, арендуемых у Удельного Ведомства за дешевую цену. В Екатериновке строятся ссыпные амбары, мельницы, организуется и лесная пристань. Это село приобретает значение местного центра в хозяйственном и торговом отношении. В 1848 году здесь существует уже две школы—частная и удельная, в то время как в Самаре в 1850-м году была только одна городская школа. Этот один факт свидетельствует о притоке средств от развивающейся хлебной торговли; выгодный сбыт зерна является в свою очередь стимулом к неудержимому росту посевной площади.

Зерновое хозяйство. Освобождение крестьян от крепостной зависимости дало новую, оживленную переселенческую волну в наш район. Большой людской поток стал вливаться в наши места из центральной России, из Украины. Местные крестьяне, которым удалось увеличить производственные элементы в своих хозяйствах, охотно селятся на обширных удельных участках, увеличивают число рабочего скота, увеличивают и запашки. Переселенья продолжаются и из смежной Симбирской губернии.

Вторая половина XIX столетия—период роста зернового хозяйства, период пышного развития хлебной торговли. В это же время необычайно быстро ростет новый торговый центр—город Самара. В 1855 году правительство впервые в Самаре ведет заготовку хлеба для армии. С постройкой в 70-х годах железно-дорожного пути, сбыт зерновых продуктов еще более облегчается и экспорт растет.

Товарность сельского хозяйства. Основным товаром местного сельского хозяйства являются уже зерновые продукты, в частности твердые сорта яровой пшеницы. Хотя, надо заметить, что отрасль животноводства стала регрессировать только к самому концу XIX столетия. Еще в 80-х годах зажиточные крестьяне имели нередко несколько десятков лошадей, не говоря о большом числе овец, причем значительное число лошадей держалось не в качестве безусловно необходимого рабочего скота, а для продажи выращиваемых животных.

В Екатериновке развивается мукомольное дело. Сооружается громадная паровая мельница Малюшкина, на которой перерабатываются большие партии зерна и десятки тысяч пудов муки отправляются на баржах в верховья Волги.

В самой технике сельского хозяйства все принаравливается к зерновой системе. Появляются уборочные машины, лучшие орудия обработки почв, сеялки, лобогрейки, молотилки, веялки, двигатели внутреннего сгорания, локомобили. Все эти нововведения и улучшения в хозяйстве осуществляли арендаторы больших участков, крупные посевщики. Людская наемная рабочая сила пополнялась сезонными рабочими, приходившими на страдную пору из соседних малоземельных губерний. Уборку хлебов эти рабочие производили обычно сдельно, причем цены в различные годы колебались довольно резко, в зависимости от спроса и предложения труда и в зависимости от урожая.

Кризис зерновой системы. Но к концу XIX столетия на полях местных крестьян не все было благополучно. Переход к трехполью, постоянные переделы полей привели к распыленью почв, к наполнению полей сорной растительностью и, в результате, к резкому снижению урожайности. Этот кризис давал себя чувствовать особенно остро в неурожайные годы.

Удельное Ведомство начинает замечать отрицательные стороны зерновой системы. Арендаторов своих оно обязывает вести многопольный севооборот с посевом многолетних трав. Обеспокоенное резким падением урожайности на своих полях, низким уровнем быта большинства своих арендаторов, а также ростом недоимочных сумм—Удельное Ведомство в 1903 году решило основать в районе Безенчука*) сел.-хоз. опытную станцию, которая призывалась разрешить все вопросы земледельческой техники, в связи с необходимостью поднять производительность почв и доходность хозяйств арендаторов. Это изучение местных природных условий должно было отразиться и на землеустройстве в связи с дальнейшим заселением удельных участков.

Агрикультурные мероприятия. Агроном Клинген, основатель Безенчукской опытной станции, внимательно ознакомился со всеми условиями сельско-хозяйственного быта арендаторов и наметил программу работ опытной станции.

Все усилия последней были направлены в сторону изучения приемов накопления, сбережения и рационального использования столь драгоценной в наших условиях почвенной влаги. Эту задачу взял на себя отдел полеводства**). Однако борьба с засухой оказывается задачей нелегкой. Эффект отдельных приемов в технике полеводства на лицо, но природные условия слишком суровы: в 1921 году и поля Безенчукской с.-х. опытной станции сильно пострадали от засухи, от сорняков и от вредителей. Яровые хлеба и многолетние травы дали ничтожный сбор.

---

*) В 6-ти верстах от с. Ивановки.

**) Автор не находит уместным излагать подробно программу Б. О. С. и задачи, взятые на себя другими ее отделами.

Переустройство современной деревни.

При этих суровых климатических условиях наметить пути прогресса сельского хозяйства в нашем районе—задача очень трудная. Усложняется эта задача многими отрицательными сторонами всего уклада нашей сельско-хозяйственной жизни: большие многодворные села, дальноземелье, ежегодные переделы, чересполосица и вследствие этого небрежная обработка земли, посевы «по ленивке» (посев озими по жнивью), отсутствие правильного чередованья полей. Низкие урожаи на крестьянских полях подтачивают крестьянское хозяйство, делают его бездоходным.

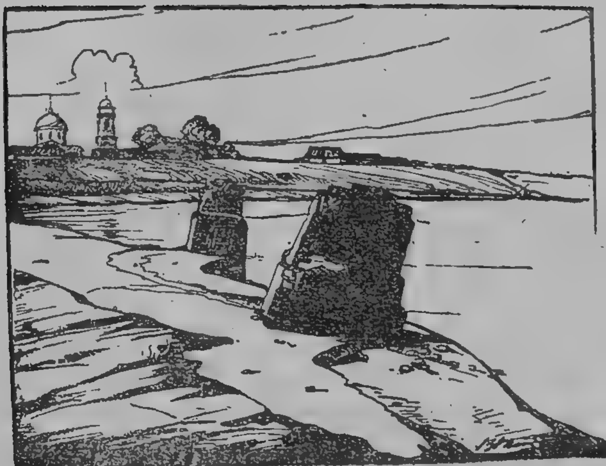
Но крестьянские массы теперь не относятся безразлично к этим явлениям и поселковое строительство, расселение земледельцев по отдаленным полям, можно рассматривать как происходящее переустройство современной деревни. Несмотря на тяжелые последствия неурожайного 1921 года, образуются все новые поселки с ограниченным количеством дворов, причем расселение в настоящее время сливается с стремлениями крестьян к правильной организации своего хозяйства и к улучшению всех его отраслей.

Землеустройство является первым и неизбежным этапом прогрессивных изменений в нашем крестьянском хозяйстве. За ним следуют изменения в системе полеводства. Вводится многопольный севооборот с правильным чередованием культур с посевом многолетних трав. В небольшом поселке сократились переезды при сельско-хозяйственных работах, стала расширяться и улучшаться животноводственная отрасль хозяйства путем организации племенного дела.

В описываемом районе за последние годы возник целый ряд новых поселков, целый ряд улучшенных хозяйств. Но это только первые волны—предвестники общего и полного роста производительных сил современной деревни.

Наряду с улучшенными хозяйствами, при описании села Ивановки, мы увидим хозяйства еще необычайно ослабленные, все еще находящиеся во власти ужасающей нищеты, увидим большое число трахоматозных, полуслепых земледельцев, курную избу и много характерных черт старого быта.

Мы и будем изучать деревню, как комплекс социально-экономических отношений в пределах села Ивановки.

История села Ивановки.

Возникновение села. Как в настоящие дни вследствие развития крестьянского хозяйства возникают новые поселки, так под влиянием ряда условий в XVIII столетии возникла Ивановка.

Надо вскрыть бытовые корни этого села, уходящие в глубь столетий. Определяя этническое ядро, из которого образовалась Ивановка, мы напомним, что среди лесов Самарской Луки чуваши поселились очень давно. Живя далеко от Казанской провинции, эти чуваши избегли татаро-магометанского влияния, сохраняя самобытные черты своей языческой культуры. Свои селения они располагали всегда возле красивых лесных урочищ, имевших значение священных рощ. Чуваши любили и любят природу, с ней тесно сплетаются их религиозные представления, их поэтический «праздник земли» и др. обычаи.

В середине XVIII столетия в лесах возле устья р. Усы существовали небольшие чувашские поселки Япланай, Чуракаль и Хурнис. Они исчезли. И в то же время на луговом левом берегу Волги у устья реки Безенчук возник новый чувашский поселок. По преданию первым выселенцем был чувашенин по имени «Писентик». Этим именем и стало называться новое село и протекающая мимо него река Безенчук*). Сюда переселились и другие чуваши, которые, видимо, бежали от административно-помещичьего надзора. Распланированные под прямым углом три улицы Ивановки имеют до сего времени свои чувашские названия: Япланай, Чуракаль и Хурнис, напоминая имена давно исчезнувших селений.

*) По чувашски Безенчук и тепер произносится „Писентик“.

Быт новоселов. До 1780 года новоселы жили независимо, не платя никому никаких податей. Чуваши вели по преимуществу промысловое хозяйство: в степи и в лесах, росших вдоль Волги водились дикие козы, лоси, попадались и медведи. Охота, рыбная ловля были источником существования чуваш при натуральном хозяйстве на ряду с земледелием. Травы косили сколько нужно, кругом оставалась некошеная ковыльная степь. Пахали «кривулькой», боронили срубленным дубом: «припрегут к нему лошадь и гладят поле». Урожаи, несмотря на примитивную обработку, были хорошие. К югу от новоселов в полуторе версте находился заметный и теперь сторожевой курган «Турпай», за который в степь ходить в одиночку было опасно: «калмыки уваживали в поле».

Немногочисленные, топившиеся по черному избы села были небольшие. Оконца вырубались маленкие в верхнем звене, с расчетом, чтобы в избу не мог влезть медведь, или лихой человек. Кругом села в осеннее время большими стаями бегали волки и нападали на скот.

Закрепощение. Чуваши описываемого поселка были занесены в ревизские сказки управителем Орловых во время 5-ой ревизии 1795 года. Тогда же селение «Писентик» было переименовано в «Ивановку»*). Деревня состояла из 90 дворов с населением 564 человек, 271 мужского и 293 женского пола.

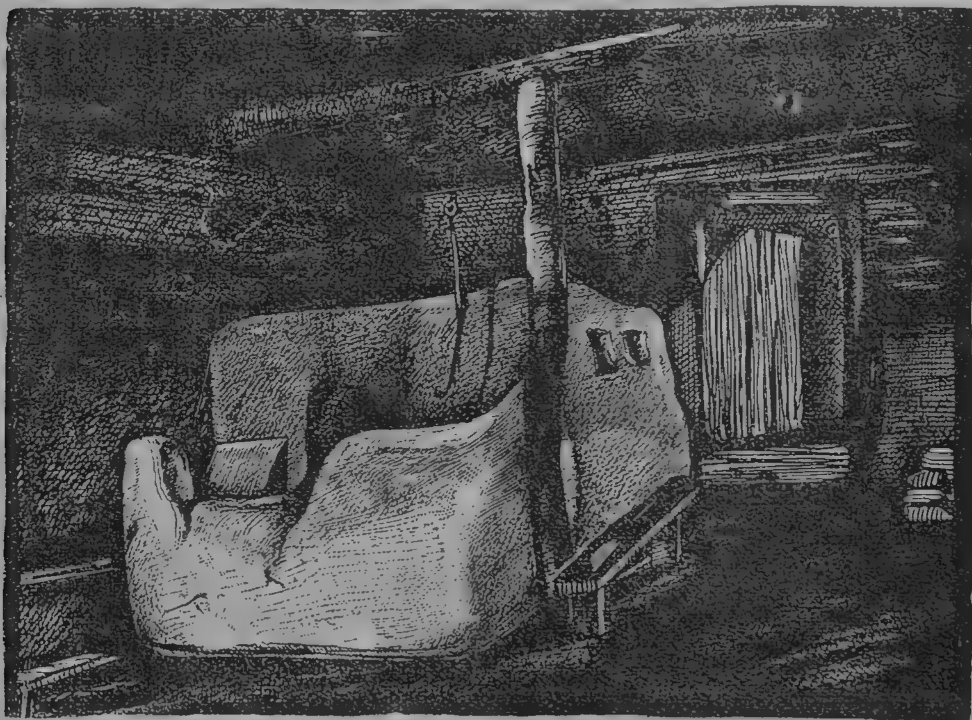
С переходом в распоряжение помещика убогий сельско-хозяйственный быт Ивановки усложнился лишь одними повинностями. Заботы администрации сводились к определению тягловых повинностей и к учету населения. Чуваши жили по прежнему в курных избах, болели трахомой, вымирали от эпидемических болезней, особенно дети. За 42 года с 1795 по 1837 г. количество дворов не увеличилось. Социально-экономические отношения крепостного быта парализовали иницативу земледельца, и без того привыкшего вести чисто потребительское хозяйство.

В 40-х годах от управителя Орловых Ивановка со всем Екатерининским имением перешла во владение к Удельному Ведомству. В 1849 году в удельных селениях числилось 46% курных изб, этот один факт может харектеризовать бытовой уровень крестьян того времени.

Улучшение быта. Удельной конторой предпринимались меры по улучшению быта крестьян, в частности была составлена смета с исчислением потребного количества кирпичей для бесплатной раздачи беднейшим крестьянам. Эта мера привела к понижению указанной цифры: курных изб к 1858 году уже числилось только 18%. Из этих фактов видно—что бюджет крестьянского двора не позволял роскоши приобретения на свой счет необходимого количества кирпичей для печки. В громадном большинстве крестьянские хозяйства, обремененные повин-

*) Иван Григорьевич Орлов, именем которого было названо село, был младший по чину, но старший по рождению из пятерых братьев Орловых.

ностями, в нищете и безпомощности продолжали вести натуральное потребительское хозяйство; производительные силы деревни не росли и количество дворов в Ивановке к 1862 году достигает цифры 103. За 67 лет с 1795 года прирост новых хозяйств выражается цифрой 13.

Но и в те отдаленные времена отдельные крестьянские дворы, имевшие большие семьи с большим числом работников, выбивались из нужды, увеличивали количество скота и запашки, и когда хозяйство приобретало элементы товарности—оно становилось более устойчивым. Такие хозяйства почковались, выделяли из себя новые дворы, в то время как другие хозяйства часто разрушались, гибли, при чем семья исчезнувшего хозяйства теряла в Ивановке свое потомство по мужской линии. Генеалогические исследования позволяют установить большой список исчезнувших крестьянских фамилий.

Наделение села Ивановки землей. Событие это относится к 2 сентября 1864 года, когда на основании положения о крестьянах водворенных на землях дворцового и удельного ведомства—крестьяне села Ивановки были наделены землей.

К указанному числу были закончены все подготовительные работы и состоялось прочтение и поверка уставной грамоты в присутствии удельного депутата Иванова и уполномоченных от об-ва с. Ивановки*).

*) Присутствовали следующие крестьяне: Афанасий Сальцин, Сергей Сахтеров, Алексей Михалкин, Игнатий Сибаторов, Савелий Ильжеев и Давыд Сахтеров.

Мировой посредник князь Урусов признал уставную грамоту, составленною во всех статьях правильною и согласной с положением об удельных крестьянах. Он утвердил и ввел в действие уставную грамоту на которой вместо крестьян уполномоченных «руку приложил сельский писец Никита Луконин». Крестьяне от подписи уставной грамоты отказались.

В течение 49 лет крестьяне Ивановки за надельную землю должны были заплатить Удельному Ведомству 20275 руб. 33 коп. Подлежащий к выкупу надел, на 358 ревизских душ мужеского пола, был определен в количестве 1761 десятины пахотных и луговых угодий, вместо состоявших в фактическом пользовании Ивановского сельского общества 1645 десятин тягловой земли. Окончательный надел определился лишь в 1869 г., когда мерщик Н. Морозов отграничил крестьянам села Ивановки:

Усадьбы . . .	18 дес. 1560 кв. саж.
Выгона . . .	141 дес.
Сенокосов заливн. .	443 дес. 2088 саж.
Пашни	1102 дес. 2232 »
Кустарнику . . .	5 дес.
Неудобн. . . .	160 дес. 888 саж.
Всего удобной и неудобной	1871 дес. 1968 саж.

Эта площадь была отведена сплошным массивом в непосредственной смежности от усадеб. Внутри крестьянского надела была лишь оставлена удельно-оброчная статья в количестве 118 дес. 1800 саж. из полей бывшей общественной запашки. Также остался в исключительном распоряжении Удельного Ведомства и граничащий с наделом села Ивановки лес „Вислая Дубрава“ в количестве 88 дес. 312 саж.

На один крестьянский двор в результате указанного отвода пришлось удобной земли в среднем 16.₆ десятины.

Социально-экономическое расслоение. На этой площади при общинном землепользовании не могло развиться крестьянское хозяйство: 16-ти десятин было мало. Обстоятельства толкнули крестьянина Ивановки к трехполью, а оно привело к засорению полей, к низким урожаям и к бедности, иначе говоря для большинства хозяйств наделение землей не принесло сколько нибудь заметных улучшений. Система хозяйствования и быт остались те же. Слабые в производственном отношении хозяйства в неурожайные годы оказывались неустойчивыми, еще больше нищали, входили в долги и не в состоянии были платить выкупные и другие платежи.

Или крестьянин должен был стать предприимчивым посевщиком, арендатором участков Удельного Ведомства. И такого типа крестьяне появились в Ивановке. Они старались увеличить количество упряжной силы и расширяли посевы.

Перепись 1882 года дает яркую картину этого расслоения дворов в Ивановке. Из 141 хозяйства было в этот год:

Безземельных	4	хозяйства.
Безлошадных	16	»
с 1-й лошадью	42	»
с 2-мя лошадьми	20	»
с 3-мя лошадьми	20	»
с 4-мя и более лошадьми	39	»

Эти цифры говорят о значительной дифференциации хозяйств. Дворов арендующих землю в 1882 году было 75, а площадь арендуемых участков достигала 483 десятин, на общую сумму оброка 890 рублей.

В селе в 1882 году было 472 лошади. Однолошадники, двух и трехлошадники имели в общей сложности 142 лошади. Остальные 330 лошадей приходились на 39 хозяйств, следовательно отдельные крестьянские дворы имели по несколько десятков лошадей, об этом рассказывают и крестьяне.

Платежи. Годовой оклад всех платежей, причитавшихся с села Ивановки в 1882 году, распределялся так:

Выкупные платежи	1216 р. 50 к.
Государственные	461 р. 20 к.
Земские обложения	445 р. — к.
Волостные сборы	129 р. — к.
Обществ. сельск. сборы	587 р. — к.
Годовой общий оклад	2838 р. 70 к.

Размер всех платежей приходился

на душу	7 р. 50 к.
на рабочего	14 р. 90 к.
на 1 десятину надела	1 р. 60 к.

Перепись 1913 года. Производительные силы Ивановки не умещаются в пределах надельной земли и в 1913 году. Под посевом на надельной, купчей и арендованной земле по переписи 1913 г. числится. 1139 десятин, из них под посевом на надельных землях 581 десят. 62 хозяйства продолжают арендовать землю у Удельного Ведомства Система хозяйства остается чисто зерновой о чем свидетельствуют следующие цифры: из 581 дес. на надельных землях занято:

Яровой пшеницей	326.8 д.
Озимой рожью	217.7 д.
Овсом	21.5 »
Ячменем	6.4 »
Просо	6.4 »
Картофель	0.4 »
Остальные культуры	0.8 »

Мы видим, что зерновые культуры занимают почти все 100% посевной площади и значительно преобладает в посеве яровая пшеница (56%).

Голодные годы.

Неустойчивость крестьянских хозяйств. Расширение крестьянского землепользования за пределы наделов можно рассматривать, как проявление экономического прогресса в наших условиях. Но карликовое крестьянское хозяйство, которое в лучшем случае обеспечивает своему владельцу самое скудное существование, здесь в суровом климате, при резких засухах—является формой хозяйства совершенно нерациональной. Несомненно, что большинство крестьянских хозяйств в селе Ивановке слишком незначительны по своим размерам. Какая именно величина хозяйства необходима—ответить трудно. В общем можно считать необходимым до 40, пожалуй, до 60 десятин на двор.

В неурожайные годы мы наблюдаем коренную ломку и разрушение производственных элементов в первую очередь в мелких хозяйственных единицах, вплоть до вымирания детей и даже взрослого населения.

Потребительское карликовое хозяйство создает и особый психологический тип крестьянина: с полным отсутствием самодеятельности, с полным всецелым и безграничным подчинением тому, что происходит извне. Такой крестьянин радуется и горюет, жалуется на свою судьбу, или благодарит за нее бога, но принимает и доброе и худое не допуская мысли, что первое можно привлечь, а с последним можно бороться и победить. Даже перемены в его быту являются в его глазах результатом деятельности той же судьбы и тайных невидимых сил, которые управляют его жизнью.

Те факты, с которыми мы сейчас будем знакомиться, ярко иллюстрируют изложенную мысль: устойчивым хозяйством в наших условиях будет лишь хозяйство накапливающее, дающее избытки в своем производстве.

Внешние причины катастроф. Выше уже были описаны климатические особенности района—чрезвычайно большие колебания в годовом ходе температуры, недостаток атмосферных осадков, отклонения любого элемента погоды в отдельные годы по сравнению с нормой и засухи, снижающие иногда урожаи зерновых культур до ничтожных размеров.

Эти внешние условия вместе с описанным строем потребительского хозяйства в деревне и создают периодические катастрофы, повторяющиеся в каждом десятилетии.

Заглянем в церковную летопись с. Ивановки*).

*) Отрывочные сведения в ней имеются о голодных годах отдаленных десятилетий:
„В 1864 году весна открылась ранее обыкновенного, 23 марта начали сеять хлеб, по случаю засухи был неурожай“.

1880 год. «1880 год был столь бедственный, что, как говорят крестьяне, вряд ли и запомнят такого года. Урожай был в общем итоге от 2—6 пудов на десятину. Обессиленные прежними неурожаями большей частью и без того бедные крестьяне дошли в конце сего года до последней крайности... Жалоба на голод все более и более усиливается. По отзывам крестьян в селе Ивановке только 12 семейств питаются своим хлебом, остальные или покупают хлеб, или кормятся милостыней. Крестьяне разоряются продавая последнюю скотину для прокормления себя, пока не дойдут до нищенства, или уже прежде разорились и разошлись по окрестностям. Почти половина деревни не принимает с крестом, крестьяне говорили: «сами нищие».

Впрочем есть в приходе такие дома, которые имеют тысячи, большею частью сектанты (д. Григорьевка).»

1890 год. «Весна в 1890 году хотя и открылась рано, но для хлеба была неблагоприятна. Первый весенний дождь был 5 мая и то незначительный. Травы в степях от продолжительной засухи почти совсем высохли, рожь совсем погибла, яровые хлеба тоже начали портиться, только просо и овес, как сеянные позднее, были сравнительно с другими удовлетворительны. Дожди в конце мая поправили травы, а хлебам почти ничего не помогли. Рожь у иных совсем погибла, у иных вышла очень редкая. Неурожаи, которые следовали подряд три года, отозвались самым неблагоприятным образом на материальном благосостоянии жителей. Крестьяне почти все разорились, чуть не половина села разбрелось в разные стороны собирать по миру. У самых богачей не хватит нынешнего хлеба до весны».

1891 год. «Весна, как и в прошедшем году открылась ранняя, но холодная, с сильными ветрами. Скот в поле выгнали во второй половине марта, в это же время выехали и на пашню. Перед пасхой установилась теплая погода, стали перепадать частые дождички, которые очень благоприятствовали всходу хлебов. Действительно, всходы хлебов

„1869 год. Весной и летом падали дожди на землю редко и в неудовлетворительном количестве, в недрах себя земля удержала брошенные в нее семена, жители не сохранившие семян от прежних лет бедствуют без оных".

„1872 и 1873 г.г. Весна в 1873 году открылась 8 апреля, в этом месяце падали на землю небольшие дожди, в начале мая был один тоже незначительный дождь, отчего хлеба, равно и травы, стали засыхать. В продолжении зимы народ терпел недостаток и в продовольствии скота, почему скот с голоду падал. Жители от засух 1872 и 1873 г. не могли собрать и семян хлеба для обсеменения малого количества земли, принадлежащего в собственность, отчего терпели голод и едва-едва пропитались при содействии добрых и именитых людей. Жители по неурожаю хлеба в 1873 г. и по несобранию самих семян для обсеменения полей своих,—были на 1874 год снабжены от правительства. Голодающим на каждого едока выдаваемо было хлеба, ржаной муки в месяц по одному пуду и по фунту соли. Выдача производилась с 1 января по 1 июня 1874 г. Жители по случаю голода заработков до открытия весны никаких не имели, почему все общественные сборы были прекращены".

„1876 год. В апреле месяце были холода и бездождие. В мае месяце в половине были дожди, а к концу засуха. В июне месяце открылись жары и продолжались до половины августа. Дождя совершенно не было. Вследствие невыносимых жаров корм весь посох и пасшийся в полях скот почти не находил себе пищи. Урожай хлеба весьма скудный и бедный; народ еще более обнищал".

а равным образом и подножный корм в начале весны до 9 мая были очень хороши. Народ после четырех неурожайных лет, глядя на всходы повеселел, ожил духом, надеясь на хороший урожай. Но 9 мая выпал небольшой последний дождичек и с этого времени в продолжении почти $2^1/_2$ месяцев дождя не было ни капли. Всходы местами совершенно погибли, а в иных местах, если и держались, то на них жалко было смотреть. Рожь в самом цвету захватило сильнейшими жарами и помохой, вследствие чего рожь оказалась совершенно пустая. Пшеница кое-где и то на самых хороших землях уродилась пудов на 20 с хозяйственной десятины (4000 кв. с.). Одним словом, неурожай как хлебов, так и трав, в нынешнем году был полнейший.

Крестьяне, уже с августа месяца всю надежду возложили на земство. С ноября от земства начали выдавать взаимообразно хлеб по 20 ф. на едока, не включая в число едоков детей до 1 года и работников до 55 лет. Эта помощь на самом деле оказалась довольно незначительной».

1897 год. «Весной 1897 года прибыль воды в Волге была мала, отчего р. Моча не разливалась. По реке Моче луга остались незатопленными, поэтому в более высоких местах трав не было—не косили. Весна была ранняя и дружная. 23 марта скотину выгнали в поле и в этот же день посевщики начали сеять пшеницу. Лето было без дождей и с сильными, жгучими ветрами. К 1-му июня трава повсеместно выгорела, отчего скотина страдала от безкормицы. Урожай был средний».

1898 год. «В сем году был повсеместный голод. Голод был и в приходе с. Ивановки. Весна открылась поздно, холодная с сильными ветрами. Скот в поле выгнали во 2-ой половине апреля, в это время выехали и на пашню. Лето было жаркое. С начала лета до 25 августа дождя почти капли не было. Без дождя, вследствие сильных жаров, травы к 1-му июля местами окончательно засохли. Рожь не уродилась. Пшеница дала кое-что только на сильных, хороших землях. При виде бедствия крестьяне буквально потерялись и не знали, что предпринять. Скотину за неимением корма крестьяне больше половины перерезали. С половины декабря Красным Крестом была открыта столовая».

1906 год. «Урожай хлебов был плохой, ниже среднего. Своего хлеба у крестьян хватило не надолго, были устроены для беднейших бесплатные столовые, а для прочих раздача хлеба».

1911 год. Описан заведующим Безенчукской с.-х. опытн. станцией Н. М. Тулайковым: «С 4 апреля ст. стиля по 22 мая ст. ст. не выпало ни одной капли дождя, и все яровые посевы всходили и росли первое время исключительно за счет запасенной за зиму влаги почвы. Между тем, уже с 9 мая ст. ст. начинает возвышаться температура воздуха и почвы. При 30°C в тени и при $43{,}_7$°C на поверхности почвы—относительная влажность воздуха падает до 14%. Сухой и жаркий юго-восточный ветер 10—14 мая достигал скорости 20 метров в секунду.

И, наконец 12, 13 и 15 мая наблюдалась мгла, после которой посевы стали принимать еще более угнетенный вид и почти остановились в развитии.

С 20 мая ст. ст. по 28 мая прошли дожди; за восемь дождливых дней выпало 16,9 мм. осадков, но только 2 раза эти осадки выпадали больше, чем 3 миллиметра в сутки. Эти осадки не могли хоть сколько нибудь отозваться на влажности почвы, хотя все же они оживили, освежили растительность, которая после перепавших дождей начала понемногу принимать более здоровый вид.

Но с 30 мая вновь наступила засуха, продолжавшаяся с небольшими перерывами до второй половины июля. Начиная с 12 час. дня 17 июня влажность воздуха по гигрографу понизилась до 12%. Температура воздуха, начиная с того же дня, поднимается до 40°C в тени; в отдельные сутки температура воздуха не падала ниже 24°C в 4 часа утра и держалась между 9 час. утра и 6 час. веч от 35 до 40°C.

19 и 20 июля дул знойный, совершенно горячий юго-восточный ветер, была пыльная (черноземная) буря и воздух был пропитан как бы пылью, или дымом. С воскресенья 26 июля жара пошла очень постепенно на убыль, стала повышаться относительная влажность воздуха, но судьба озимых и яровых хлебов за этот критический период определилась окончательно. Солома и зерно озимых хлебов подсохли совершенно и были готовы к уборке—24 июня, дней на 8—10 раньше обычного срока. С 9 июля приступили к уборке пшеницы. 15—16 июля была сильная мгла. Только 19 июля в ночь выпал сильный дождь 33 миллим. в 1½—2 часа, но уже все яровые хлеба были к этому времени сжаты и осадками воспользовались только кукуруза, просо, картофель, свекла и пр.; этих пропашных растений в посевах крестьян было ничтожное количество: 72,8% всего сбора зерновых продуктов вместе с другими яровыми составляла яровая пшеница, 27,2% всего валового сбора давала озимая рожь».

Рассказывая о неурожае 1911 года, Н. М. Тулайков упоминал, что уже с ноября в окрестностях Безенчукской с.-х опытной станции начали в деревнях функционировать общественные «даровые» столовые. Сумма потребная на продовольствие всей Самарской губернии постановлением Земского Собрания определена была в 25 миллионов рублей. А на удовлетворение всего пострадавшего от неурожая населения высчитанные и ассигнованные советом министров 120 миллионов рублей в одном из первых заседаний Государственной Думы осенней сессии были признаны суммой уже недостаточной.

1921 год. Засуха 1921 года продолжалась 90 дней, с 1 апреля по 30 июля. Были дни «суховеев», когда с юго-востока дул сильный горячий ветер.

Относительная влажность воздуха падала до ничтожных размеров, гигромотр показывал 11. Температура на поверхности почвы достигала

60° С.*). Угнетенные этой погодой культурные растения пострадали от кобылки, которая размножалась в необычайном количестве, нападала на хлеба, срезая жалкие колоски низенкой ржи и пшеницы. По статистическим сведениям урожай по Самарскому уезду выразился цифрами: для озимой ржи 2 пуда с десятины, пшеницы 3 пуда и проса 3 пуда. Были и совершенно погибшие посевы. На Безенчукской с.-х. опытной станции средний урожай яровых не превышал 6 пудов. Многолетние травы, костер и люцерна, сгорели.

Автору настоящей работы пришлось наблюдать этот ужасный год в стенах упомянутой опытной станции. Население было нервно настроено даже в городе. В Самаре смотрели на небо и ждали дождя. Развивалась холера. Вдоль железной дороги на Сызрань двигались кибитки беженцев, ехали «в Рассею».

Ивановка переживала голод 1921 года тяжелей многих других селений Екатериновской волости. Население уже осенью питалось суррогатами: хлебом и лепешками из размолотой кости, конского щавеля, лебеды, корней озерных растений и мякины. Ели конину. Самый острый момент голода был весной 1922 года, но смертность была больше зимой, когда свирепствовал сыпной тиф. Вымирали целые семьи. Нацело вымерли два двора Синдюковых, пострадали Калманкины и мн. другие. При этом ни одна семья не пыталась спастись бегством из Ивановки, как это делали жители многих голодающих селений. Чуваши в 1921 году оказались, против своих русских соседей, «неизворотливыми». И без того жившие изо-дня в день в нищете и бедности потребительские хозяйства с минимальным количеством скота с ничтожным посевом оказались совсем неустойчивыми в этот год. За безценок продавалось последнее имущество: за 30 ф. хлеба продавалась лошадь, за 20 ф. продана была избушка на задах и т. д. Ужасы голода были связаны с антисанитарными условиями быта бедняков: в избах, пропитанных махорочной пылью, табачным дымом и запахом от валяющихся всюду табачных листьев, была и общая грязь, вызывающая в обычное время трахому и накожные болезни. Теперь эти условия способствовали развитию сыпного тифа.

Ивановка в 1921 году вымирала.

Лишь пришедшая помощь несколько ослабила ужасы голода.

*) Наибольшего напряжения элементы засухи достигли к концу июня (с 21—30 число): средняя суточная температура этой декады выразилась, по наблюдениям Безенчукской с.-х. опытной станции (в 6-ти верстах от Ивановки), цифрой $28{,}_7$°C при абсолютном максимуме $38{,}_5$ (27 июня); четыре дня этой декады имели среднюю температуру выше 30°; 25 июня начиная с 6 час. утра и до 9 часов вечера температура не опускалось ниже 30°, причем даже ночью после этого дня температура не падала ниже 25°. Воздух в течение этих дней был необычайно сухим. Средняя относительная влажность была равна 29%, три раза— 25-го, 26 и 27 июня в 1 час дня отмечена влажность 11%, причем даже утрение и вечерние отсчеты давали 13—14%. Повидимому, именно этот период и повлиял роковым образом на судьбу урожая 1921 года в связи, конечно, с предшествующим периодом бездожья. Яровая пшеница проходила все фазы своего развития фактически при полном отсутствии осадков. Более детальную характеристику засухи 1921 г. читатель может найти в статье Д. М. Щукина, опубликованной в Журнале Опытной Агрономии юго-востока, вып. I Саратов 1922.

Осенью 1921 года Американская администрация помощи голодающим в России (АРА) открыла в Ивановке столовую для детей, сначала на 120 человек; в течение зимы столовая была развернута на 350 человек, кормились почти все дети села. Остатками от детского котла поддерживали свое существование отдельные семьи, но для взрослых голодающих помощь пришла лишь к весне, в самый критический момент. Почти всему населению Ивановки выдавалась той же организацией АРА по 30 фунтов кукурузы на едока в месяц. Нечего говорить, что эта помощь имела громадное значение, без нее смертность в Ивановке к весне достигла бы еще больших размеров.

Из состава своего населения Ивановка потеряла более 150 человек. Количество рабочего скота убавилось до 198 голов, после того как в Ивановке по переписи 1920 года числилось 488 лошадей (вместе с молодняком). И к 1923 году в результате голода 1921 года мы имеем хозяйств:

		в %
безлошадных	71 хоз.	42,0
с 1 лошадью	55 „	32,6
с 2 лошадьми	26 „	15,5
с 3 „	15 „	8,8
с 4 и более	2 „	1,1

Из общего числа оставшихся—169 домохозяев.

После 1921 года совсем исчезло 22 двора. Само население, возросшее в 1920 году до 1023 человек, сократилось до 875.

Итак, во второй половине XIX столетия и в первую четверть XX-го, за период в 75 лет, мы отметили тринадцать голодных лет. К ним надо добавить неблагополучный 1924 год. Описанные факты могут отчасти об'яснить помещаемые ниже скачущие цифры с колебаниями в количестве населения в Ивановке за период с 1795 г. по 1924 г. Выселений из Ивановки не было, наоборот несколько дворов было принято в общество из с. Преполовенное.

Изменения в составе населения Ивановки. Нижепомещенные цифровые данные взяты из церковных исповедных росписей, в которых ежегодно регистрировалось все население села.

ГОД.	Число дворов.	Мужчин.	Женщин.	Всего населен.	Средн. состав. двора.
1795	90	271	293	564	6,2
1833	92	379	473	852	9,2
1837	89	356	449	805	9,0
1846	102	327	291	618	6,0
1852	100	373	402	775	7,7

ГОД.	Число дворов.	Мужчин.	Женщин.	Всего населен.	Средн. состав. двора.
1862	103	358	392	750	7,2
1868	122	339	352	690	5,6
1871	125	292	294	586	4,7
1875	118	301	298	599	5,0
1881	131	341	357	698	5,3
1885	136	350	355	705	5,2
1890	131	368	349	717	5,5
1895	192	505	480	985	5,1
1897	194	500	455	955	4,9
1899	146	348	321	669	4,6
1904	161	416	393	809	5,0
1909	166	448	448	896	5,4
1913	170	471	442	913	5,4
1920	191	514	509	1023	5,3
1923	169	—	—	875	5,2
1924	175	427	430	857	4,8

Отсутствие устойчивого прогрессивного изменения в приведенных цифрах может быть отчасти об‘яснено жестокими последствиями неурожайных лет, так как в периоды голодовок появлялись эпидемии, увеличивалась и детская смертность.

Земельная теснота и аграрная революция в 1918-19 г.г.

Дальнейшее заселение района.

В Екатериновской волости к началу текущего столетия стало ощущаться малоземелье и землепользование Екатериновской волости характерно для приволжской полосы.

С севера к Ивановке примыкают вплотную многодворные общинные села: Григорьевка, Алексеевка, Екатериновка и Федоровка. Жители этих сел держались Волги, не переселялись южней в Пугачевский (б. Николаевский) уезд, где имелись участки для колонизации, и по вполне понятной причине. Непосредственная близость больших площадей поемных лугов (Благовещенское Займище) давала возможность арендовать луговые участки Удельного Ведомства и графские луга в засушливые годы—это позволяло прибрежным селам иметь лишний скот и сохранить большую его часть в тот год, когда был недостаток в суходольном сене и даже в соломе.

Не имело смысла переселяться южней в прежние времена и потому, что многие предприимчивые крестьяне указанных многодворных сел и здесь были «посевщиками», вели промышленное зерновое хозяйство на лежащих по соседству и арендуемых у Удельного Ведомства степных участках.

Параллельно с полеводством такие зажиточные крестьяне вели обычно и животноводческое экстенсивное хозяйство, построенное на коммерческих оборотах. Гурты овец закупались в уральских степях, пригонялись сюда для нагула и потом с барышом ликвидировались. Такой выпас скота по залежам, иначе «толока» считался и считается крестьянами за лучшее удобрение местных полей, такая утолоченная залежь, будучи распаханной для посева по ней яровой пшеницы «поднимает» всегда хорошие урожаи, такие земли родят, по мнению крестьян,

даже в голодные годы. И мы видим, что хозяйство прибрежных селений тяготело к пространству, оно далеко не вмещалось в территорию надельных земель. А лежащие к югу участки Удельного Ведомства в свою очередь являлись стимулом в ведению товарного хозяйства на их площадях.

Но этот хозяйственный уклад не мог сохраниться потому, что Удельное Ведомство продолжало заселять свои участки, или просто продавало их через Крестьянский Поземельный Банк. Вблизи от Ивановки к югу возникла деревня «Вислая Дубрава» из переселенцев Тульской, Тамбовской и Орловской губерний. В 1898 году белорусы из Витебской губернии основали деревню Дмитриевку—«Беляки», взяв землю в долгосрочную аренду*). Около них приблизительно в то же время возникает поселок немцев-менонитов (поселок Песоченский). На восток от Ивановки появляется деревня Киевка, переселенцы из Украины.

Хутора. Новую волну переселений в Екатериновскую волость принесла столыпинская земельная политика.

Крестьянский Поземельный Банк приобретает у Удельного Ведомства большой ряд участков, разрезает их на отруба и продает вновь прибывающим переселенцам. Возникает новый тип поселений—хуторской. Хутора и отрубные поселки преимущественно возникают в Студенецкой и частью в Натальинской волости, к югу от полотна Сам.-Зл. железной дороги. И несколько поселений хуторского типа мы имеем к северу от станции Безенчук.

Столыпинская земельная политика дает себя знать и в Ивановке. Обстоятельства заставляют предприимчивых крестьян-арендаторов закрепить за собой участки Удельного Ведомства, хотя бы покупкой. Несколько крестьян села Ивановки в 1913 году покупают у Крестьянского Поземельного Банка участок № 165 в количестве 281 десятины. Эти отрубщики проводили агрикультурные улучшения, ввели многопольный севооборот и получали при улучшенной обработке полей более высокие урожаи, чем на «загонах» в общине.

Но и эта возможность у отдельных крестьян с. Ивановки вести товарное и улучшенное хозяйство была отнята при уравнительных переделах земли, которые были вызваны могучим толчком революционного движения.

*) Ново-переселенцы приспособлялись к местным условиям постепенно. Так переселенцы из Витебской губернии, сняв у Удельного Ведомства землю в аренду на 36 лет, приехали в количестве 66 семейств 9 мая 1898 года. Это был как раз неурожайный год; кое кто из-за этого вернулся обратно, на их место нашлись другие семьи из Симбирской губернии. Некоторые семьи поехали дальше в Сибирь, но потом возвратились обратно. Первое время жизнь переселенцев была очень трудна. Многие принуждены были или работать на стороне, а то и просто собирать милостыню, служить в пастухах. Но постепенно новоселы укреплялись на новых местах, пускали корни и теперь в Димитровке около 100 дворов. Среди них около 20 хозяйств товарного типа, сумевшие в революционные годы заарендовать пустовавший участок скотопрогонной дороги.

Революция 1917 года стерла границы всех землепользований и предстояла грандиозная работа по урегулированию земельных отношений. Эти напряженные работы в эпоху военного коммунизма и затем землеустроительные действия, которые осуществляются на основе земельного кодекса, и будут ниже описаны.

Аграрная революция. Самая тяжелая работа легла на районные совещания, которые распределяли землю между волостями.

В Екатериновке первое районное совещание было созвано 18 и 19 августа 1918 года. За ними последовало второе 29—31 марта 1919 г., третье с 14—19 мая 1919 г. и четвертое 18 октября того же года.

Назначая в Екатериновке районное совещание, Самарский Уездный Земельный Отдел 4 февраля 1919 года писал:

«С. У. З. Отдел предлагает президиуму 5-го района в срочном порядке об'явить волостным земельным отделам и всему населению района, со всей исчерпывающей полностью в точности и аккуратности провести это совещание так, чтобы на 1919 год были взвешены, рассмотрены и улажены на месте все вопросы по землепользованию и не оставалось бы у населения никаких недоразумений и конфликтов».

Представители от волостных земельных отделов, делегируемые на вышеуказанное совещание, должны были явиться с документами и справками о количестве земледельческого населения, скота, площади луговой, сенокосной и выгонной земли, которой пользовались жители волости в 1918 году, с перечислением №№ участков и их названий. Подробные сведения о распределении этих угодий У. З. О. требовал безотлагательно представить в Самару. Это требование было вызвано тем, что У. З. О. еще не имел сведений о том, как распределена земля под озимь на 1919 год (пар 1918 г) и ярь, что должны были сделать районные совещания, назначенные для этой цели в мае и в августе 1918 г.

Разверстание земли шло параллельно внутри каждой волости.

Работа районных совещаний. В состав 5-го района Самарского уезда вошло восемь волостей. Неравенство количества земли в волостях и почти полное отсутствие в «Ново-Московской» волости, впоследствие упраздненной, где претендентами на землю явились рабочие большого завода взрывчатых веществ (ст. Иващенково), вызывало необходимость распределения земли в районе между волостями.

Первое районное совещание и постановило своей целью распределить землю под посев яровых хлебов в 1919 году. После подсчетов всего земельного запаса и всего населения на наличную душу всего пахотной земли пришлось по $2_{,12}$ десятины, но излишки из многоземельных (южных) волостей были распределены не все, чего и нельзя было сделать без переселений. Так Студенецкая волость, самая южная из района, имела излишков около 15.000 десятин.

Распределение земли, сделанное на первом районном совещании, осуществлено однако не было, вследствие того, что постоянного прези-

диума районного совещания не существовало. Проведение постановлений совещания было предоставлено самим же волостям.

Землемер Кожевников, присутствовавший на 2-м районном совещании в Екатериновке 29 марта 1919 г., в своем докладе*) отмечает «нарушение в Екатериновском районе существовавших севооборотов, уничтожение травосеяния, захваты земель селениями смежных районов и всевозможные конфликты». Следы столкновений селений между собой на почве аграрных споров мы находим в протоколах районных совещаний.

На районном совещании 14 мая 1919 г. рассматривались конфликты и среди них спор с Сызранским уездом из-за луговых угодий на Васильчиковском острове. Конфликты иногда обострялись включительно до демонстративного от'езда отдельных представителей волостей. За подобный от'езд с совещания представителя от Томыловской волости виновный был оштрафован на 100 рублей. Тут же было постановлено неявившихся на собрание и отлучившихся с него без уважительных на то причин—оштрафовать на 500 рублей, а волостные земельные отделы за недоставку требуемых на совещание сведений оштрафовать волостной совет на 1000 р, а заведующего зем. отделом на 500 р.**).

Общераспространенным явлением было сокрытие участков и представление раздутых сведений о количестве населения.

В таких необычайно трудных условиях разрешались в Екатериновском районе аграрные отношения в революционные дни. Идея уравнительного распределения земли, отвечавшая обстановке того времени, встречала целый ряд серьезных технических и иных об'ективных препятствий***).

Волостное распределение земли. Представители селений Екатериновской волости созывались для распределения земли неоднократно. Как и на районных совещаниях, задачи общего размежевания не ставились—земли распределялись отдельно и под очередный взмет пара и под яровой посев и отдельно распределялись луга. 7 сент. 1919 года

---

*) Самарскому Земельному Отделу.

**) Только на совещании 14 мая 1919 года было решено иметь постоянный президиум в составе председателя, его товарища и вольнонаемного секретаря. Здесь же президиуму было определено содержание в размере установленном Отделом Труда на равных правах с волостными советами. Кроме того, было ассигновано 1000 руб. на оборудование канцелярии и на суточные членам президиума при раз'ездах по 10 рублей в сутки.

***) В протоколе 5-го район. с'езда от 20—31 марта 1919 года занесено „словесное заявление представителя от коммуны „Луч“ Прокопова о самовольном захвате гражданами с. Криволучье-Ивановки, Романовки и Змиевки Пугачевского у., земель 5-го района вообще и в частности 48 участка. Собрание постановило ввиду того что кр—не упомянутых сел наделены в своем районе по норме $3^1/_2$ д, а в нашем районе приходится на душу $2_{,12}$ д., а также и того, что эти селения продолжают захватывать земли, вспахивая лишь только части участков, не считаясь ни с какими требованиями сельского хозяйства и этим самым тормозят работу по распределению земли 5-го района—просить С. У. З. О. принять самые настойчивые меры к прекращению подобных явлений. Земли же самовольно захваченные и обработанные оставить на 1919 год за ними, т. к. они вложили в них свой труд“.

Подобных случаев и всевозможных конфликтов было не мало.

собрание было созвано для распределения земли под посев ярового на 1920 г. Заседание носило чисто деловой характер. Председательствующий т. Горшенин предложил начать дележ с дер. Федоровки ввиду того, что эта деревня по своему положению отстоит дальше других селений от земельных участков. Было здесь же предложено ни в коем случае не распределять к вспашке все карты с травосеянием. Распределение же земель «произвести согласно прилагаемой при сем ведомости».

Мы остановим свое внимание только на том, что получила Ивановка.

Что получила Ивановка.

На волостном распределении пахотной земли, которое было произведено волостным собранием в с. Екатериновке 20 июля 1919 г., село Ивановка получало земли на 1101 душу. Сведения о составе населения были, по всей вероятности, несколько раздуты за счет временно проживавших в селе беженцев. Подворная перепись 1920 г. указывает меньшую цифру населения Ивановки— 1023 души.

При данном распределении под паровой взмет с. Ивановка получило 459 десятин. Из этого числа 348 дес. отводилась в бывших надельных границах и 111 дес. в отрубных участках № 163 и 164/165. 7-го же сентября 1919 года было дано под яровое 468 дес: «принято под яровое действительное количество надельной 348 и народной из отрубного уч. № 163—27 десятин и из участка № 164/165—93 десятины. Итого народной под яровое 120 дес., а всего 468 десятин».

В итоге районных и волостных распределений Ивановка получила всего земли:

Пашни б. надельной	$1152_{,93}$	
„ в уч. № 163	$81_{,56}$	
„ в уч. № 164/165	279	
Усадьбы	$18_{,56}$	
Выгона	$141_{,00}$	
Леса	$5_{,0}$	
Лугов заливных	443	(б. надельных).
Лугов заливных б. У. В.	120	
Всего	2239 дес.	

Эта сумма превысила количество б. надельной земли за счет:

Уч. № 163	$81_{,56}$
Уч. № 164/165	279
Зал. луга б. У. В.	120
	480 дес.

На одну душу пришлось земли по 2 дес. В среднем на один двор удобной земли—$11_{,7}$ дес. Это уменьшение, против приходившихся $16_{,6}$ дес. в среднем на двор по уставной грамоте, можно об'яснить значительным уплотнением населения в районе, увеличением количества дворов

в Ивановке с 103-х (1862 г.) до 191 (1920 г.) и уменьшением среднего состава семьи во дворе с 7,2 (1862 г.) до 5,3 (1920 г.).

Любопытно, что вышло с заливными лугами Ивановки. Видимо, луговой волостной фонд делили неоднократно и вначале ведь Ивановка дополнительно получила 120 десятин лугов б. Удельного Ведомства.

И наконец, 9 июня 1922 года Екатериновская волостная комиссия по распределению лугов вынесла следующее постановление:

«К распределению остается лугов 2613 дес., которые и должно распределить на 7199 душ, полагая по 8$^1/_2$ саж. на душу, но имея ввиду, что в с. Никольском (наша Ивановка) душевых лугов более этой нормы, что луга качеством хуже остальных и чтобы не ломать именные у них документы, уставную грамоту на эти луга—комиссия пришла к заключению принять эти излишки за счет всей волости». И село Ивановка таким образом получило полностью свои бывшие надельные заливные луга 443.$_{87}$ десятины.

Все эти факты лишний раз подтверждают то положение, что земельная теснота в Екатериновской волости налицо. Мы имеем уменьшение средней цифры обеспеченности крестьянского двора землей. И не будь 1921 года, вырвавшего из обращения и людей и рабочий скот, не удалось бы провести при землеустройстве отдельных групп в Ивановке—те нормы наделения, которые едва удовлетворяют ослабленные хозяйства,—и понятна тоска крестьянина, когда от него слышишь:

«Землицы бы нам побольше»...

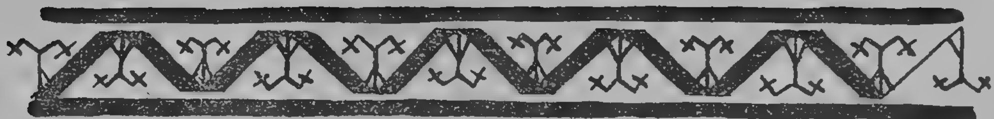
Но ее нет вблизи.

Бывшие участки Удельного Ведомства уже плотно заселены. Лента бывшей скотопрогонной дороги теперь сплошь распахана, население взяло ее клочками в аренду. Быть может, предприимчивым крестьянам следует переселяться в Пугачевский уезд, но от Волги крестьяне прибрежных сел уезжать не хотят по понятным причинам.

Дальше мы увидим какими путями пошла Ивановка в землеустроительном процессе.

Ограничение переделов. Уравнительные переделы внесли большую запутанность в земельные отношения. Правительственные мероприятия были уже направлены к тому, чтобы обеспечить за крестьянским населением возможность правильного и устойчивого пользования землей. 30 апреля 1920 г. был издан декрет С. Н. К. о переделах земли, запрещающий производить переделы внутри земледельческих обществ. 27 мая 1920 г. декретом ВЦИК'а разрешены увеличенные размеры землепользования в культурных трудовых хозяйствах, что имело большое значение для землеустраивающихся групп. 23-го марта 1921 года было предписано местным зем. органам оформить до землеустройства пользования трудовым земледельческим населением той землей, которая поступила в их распоряжение при распределении помещичьих и прочих нетрудовых земель.

И завершены были эти мероприятия изданием 22 мая 1922 года основного закона о трудовом землепользовании.

Землеустроительные действия в Ивановке после аграрной революции.

Товарищество „Шурум-Пусь“. В июне 1921 года группа граждан с. Ивановки в количестве 7 домохозяев подала в Самарское Губ. Зем. Управление заявление следующего содержания:

«Потомственно занимаясь хлебопашеством, ввиду многочисленности семейств и малоземелья мы в 1913 году закупили у Крестьянского Поз. Банка участок земли б. Удельный № 165 мерою $281_{,26}$ дес., которые обрабатывали своим собственным трудом без наемных рук, ведя на нем культурное сельское хозяйство с черным паром при четырехпольном севообороте. Таковая культурная обработка земли в течение 8 лет улучшила землю и она стала родить лучше чем на соседних полосах. На этом участке были возведены постройки—сараи для с.-х. орудий и для скота и колодцы, которые и сейчас там находятся. После переворота при распределении земли участок этот ивановские крестьяне, имея ввиду, что хлеб родится лучше на указанном участке, приняли его в общую разверстку наравне с надельной землей, давая часть нормы и на наши семьи. Но всетаки, культурное хозяйство при общинном землепользовании вести невозможно на этом участке по случаю ежегодных переделов земли и несвоевременной ее обработки. Поэтому и чтобы дать возможность введению культурного хозяйства на основании декрета С. Н. К. от 27 мая 1920 года, просим предоставить нам вышеозначенные участки в постоянное пользование для ведения на нем кооперативно-товарищеского культурного сельского хозяйства, причем заявляем, что с отводом этого участка чересполосного пользования не будет, т. к. он находится в стороне от душевых наделов и ныне по снятии хлебов ржи весь участок пустует».

В мае 1922 г. землемер по поручению С. У. З. О. произвел подготовку дела и пред'явил проект отвода. Земля т-ву «Шурум-Пусь» отводилась из б. оброчного участка № 165 к одному месту в количестве $294_{,87}$ дес. удобной земли и $3_{,10}$ дес. неудобной. Усадебные места членов т-ва «Шурум-Пусь» остаются при селе Никольское-Ивановка.

Но луговые угодия отходят обществу; т-во Шурум-Пусь взамен заливных лугов, которых лишилось, получило полный надел пахатных угодий. В мае 1922 г. произведена была и разбивка отрубных участков, причем неодинаковые размеры их об'ясняются различным составом семейств. Семь домохозяев получили землю на 72 души по $4,_{09}$ дес. на едока.

Большим составом семейств выделившихся дворов об'ясняются сравнительно большие размеры отрубных участков.

	Пашни.	Под прогон.	Итого.
Жеребкин М. А. получил . .	$31,_{68}$	$0,_{44}$	$32,_{12}$
Никулин В. А. » . .	$38,_{74}$	$0,_{45}$	$39,_{19}$
Наумов Ф. Н. » . .	$28,_{16}$	$0,_{33}$	$28,_{49}$
Сахтеров П. С. » . .	$42,_{32}$	$0,_{50}$	$42,_{82}$
Ильжеев М. С. » . .	$38,_{83}$	—	$38,_{83}$
Жеребкин И. А. » . .	$43,_{70}$	—	$43,_{70}$
Яшкин В. Д. » . .	$72,_{82}$	—	$72,_{82}$
	$296,_{25}$	$1,_{72}$	$297,_{97}$

На таких участках можно было приступить к правильному ведению хозяйства, улучшить полеводственную технику, ввести многопольный севооборот с ранним паром, с пропашным клином, с посевом многолетних кормовых трав.

Ниже будет описано монографически хозяйство И. А. Жеребкина.

Выделившийся из Ивановки Ново-Оренбургский-Никольский поселок.

Потянулась к землеустройству и другая группа крестьян с. Ивановки в составе 25 домохозяев.

10-го августа 1921 года в Сам. З. О. было подано заявление с изложением следующих обстоятельств:

«До сего времени мы ведем землепользование при трехпольной системе, кроме того, при отдаленности обрабатываем землю по дележу в разных участках на расстоянии до 20 верст от своего селения. Неудобством этим земля зачастую обрабатывается несвоевременно и поэтому урожайность хлебов, в особенности за последнее время, понизилась. Желая улучшить свои хозяйства, мы, образовав кооперативное товарищество в числе 25 домохозяев, решили перейти к введению культурного хозяйства. Для этой цели просим Сам. УЗУ отвести нашему товариществу земли в уч. б. Удельного Ведомства № 176 вдоль Оренбургской дороги, по установленной для кооперативов норме по числу 160 душ нашего товарищества. Причем присовокупляем, что в участке № 176 за Екатериновской волостью числится только 100 дес. Этого количества нашему т-ву недостаточно, недостающее количество просим дополнить из уч. № 28, прилегающего к уч. № 176.

На том же заявлении Екатериновский ВИК удостоверил, что действительно в уч. № 176 числится земли 100 дес. и в № 28—377 дес.

и что к отводу земли в этих участках для ведения культурного хозяйства гр-ам с. Ивановки препятствий не встречается.

В присутствии всех заинтересованных сторон землемером были запротоколены следующие факты.

«С 1916 года участок № 28 (Федоровский) обрабатывается обществами сел Ивановки, Федоровки, Григорьевки и Алексеевки. По районному распределению земель в волости, хотя северная часть уч. № 28 и предоставлена Екатериновскому об-ву, но общество его не обрабатывало, а земля оставалась или совсем не обработанною, или частью обрабатывалась гражданами с. Ивановки.

Под посев 1922 г. опять таки Ивановским обществом в участке № 28 вспахано около 90 десятин, а Екатериновское общество там и теперь ни одной десятины не вспахало и весь участок, кроме 90 дес., остался пустовать. Граждане Ивановки заявили, что всю землю, на которую они ходатайствуют о выселении, Екатериновское общество считает неудобной.

20 мая 1922 г. тем же землемером был составлен проект отвода кооп. т-ву Ново-Оренбургско-Никольскому из б. уч. № 28, 176 и 307 и части скотопрогонной дороги к одному месту $541,_{16}$ десят. удобной земли и $14,_{41}$ неудобной. Всего $555,_{57}$ дес. на 160 наличных душ по норме $3,_{38}$ дес. на душу. Выселяющиеся крестьяне усадебные места оставляли в пользу общества, но за новоселами оставлено право владения в надельных землях луговыми угодиями в пойме Волги наравне с обществом.

Когда проект отвода был утвержден, переселенцы на новых местах устроили колодцы, потом стали переносить сараи и надворные постройки и потом дома. Так возникло в 1923 году новое земледельческое, поселение.

Этому образцу самодеятельности крестьянских масс придется уделить особое внимание и возникающий поселок будет ниже описан.

Артель „Турпай“. В том же 1922 году началось дело об отграничении земли сельско-хозяйственной артели «Турпай». Выделялись еще новые 20 домохозяев в состав 134 душ. Это землеустроительное дело вызвало спор и неоднократно разбиралось в Самарской Уездной Земельной комиссии.

Общество Ивановки на выдел означенной артели давало свое согласие, но по проэкту, составленному землемером, спрямлялась граница со смежным землепользованием д. Вислая Дубрава, при чем от земель д. Вислая Дубрава отходило $56,_{33}$ десятины в пользу артели «Турпай». Землемер предполагал компенсировать отрезаемые 56 десятин из скотопрогонного тракта. На это последовал протест об-ва д. Вислая Дубрава и в судебном заседании Сам. Уез. Земельная комиссия нашла: «что произведенное землемером Малеевым спрямление границы по смежеству с об-вом дер. Вислая Дубрава противоречит ст. 141 Земельного Кодекса

т. к. предложенная докладчиком компенсация из земель скотопрогонного тракта недопустима, как уменьшающая без всяких на то оснований площадь государственного земельного фонда. Зем. комиссия усмотрела и нарушение ст. 137 Земельного Кодекса, т. к. при подготовке дела установлена общественная норма $3,_{00}$ дес. со всеми видами угодий, а между тем выдел произведен по норме $3,_{37}$.

Земельная комиссия постановила: «проэкт отвода земли с.-х. т-ву «Турпай» видоизменить и спрямить границу с об-вом д. Вислая Дубрава, сохранив неизменно площадь землепользования последнего, для чего дело обратить к дополнительному производству.»

Новый проэкт отвода, пред'явленный 10 мая 1923 г., уже видоизменяет границу в указанном направлении. В пользование с.-х. артели «Турпай» остается по этому проэкту удобной земли на 134 наличные души по $2,_{15}$ дес. пашни, $0,_{23}$ выгона и $0,_{61}$ луговых заливных угодий на каждого едока. Усадебные места артели «Турпай» остались в селе*).

После утверждения этого проэкта с.-х. артель «Турпай» все таки ходатайствовала о расширении южной части участка, в чем артели было отказано, т. к. это расширение было возможно лишь за счет земель д. Вислая Дубрава.

Итоги землеустройства. Землеустроительные действия обнаружили картину социально-экономического расслоения Ивановки, которое конечно имело место и до землеустройства, вернее до аграрной революции. Нивелировка эпохи военного коммунизма в итоге не уравняла производственную мощь отдельных крестьянских хозяйств. Голод 1921 г. усилил дифференциацию хозяйств и при оформлении аграрных отношений ярко выступили существующие группировки.

Дальнейшее описание производственных элементов крестьянских хозяйств установит точнее создавшиеся к 1924 году социально-экономические отношения.

---

*) Небезинтересно провести черновик вычислений землемера Малеева, подшитый к землеустроительному делу:

Надельной земли пашни	$1152,_{33}$
Усадебной	$18,_{56}$
Выгона	$141,_{00}$
Лесу	5
	$1317,_{49}$
Получено по район распред. уч. № 163	$81,_{0}$
	$1398,_{49}$
Заливные луга надельные . . .	$443,_{81}$
	$1842,_{30}$
Заливные луга б. удельные . . .	$120,_{00}$ (?)
	$1926,_{3}$

Численность населения в селе Ивановка 875 душ.

Выделено на тов. „Шурум-Пусь“ на 72 души.

Выделено Ново-Оренбурско-Ник. поселку на 160 души.

Всего выдел. на 232 д.

875 − 232 = 653

$1962,_{30}$: 653 = 3

$3,_{00}$ дес.—норма общества.

Как на ошибку в этих вычислениях можно указать на то, что 120 дес. заливных лугов с. Ивановка уже не пользовалась и частью надельных лугов продолжало пользоваться 160 душ пос. Ново-Оренб. Никольского.

Здесь же мы только отметим некоторые наиболее яркие моменты, вытекающие из картины землеустроительного процесса: в общине*) осталось к 1923 году 119 дворов с средним составом семьи в 4,7 человека, в общине остались почти все безлошадные хозяйства; в отношении посевной площади—в общине 52 хозяйства имели в 1923 г. менее 2 десятин посева, 58 хозяйств менее 5-ти десятин и 5 хозяйств безпосевных. Таким образом 115 хозяйств общины в 1923 г. имели потребительский облик. Лишь 4 двора выделялись несколько большей посевной площадью.

Группы, которые землеустроились, резко отличаются от общины прежде всего составом семьи: средний двор в т-ве «Шурум-Пусь» — 7_1 чел., поселок Ново-Оренб.—6,2, артель «Турпай»—6,7 челов. Хозяйств имеющих менее 2-х десятин посева среди землеустроенных нет совершенно, значительная часть хозяйст имеет более 8 дес. посева, хотя в 1923 г. и эти хозяйства были крайне ослаблены, они все же проявили тенденцию накопления и развивались.

И описанное землеустройство явилось новым фактором прогрессивного развития этих выделившихся из общины 50-ти дворов.

Социально-экономические отношения и состояние производственных элементов в Ивановке в 1924 году.

Ослабленность крестьянских хозяйств. Для изучения социально-экономических отношений, сложившихся в Ивановке, необходимо предварительно установить глубину общего ослабления крестьянских хозяйств. Для этого достаточно данные 1923 года, относящиеся ко всей Ивановке, сопоставить с результатами подворной переписи 1882 года.

Годы.	Число дворов.	Населения.			Число дворов.					Скота		
		Муж.	Жен.	Всего.	Без лош.	С 1-ю лош.	С 2-я лош.	С 3-я лош	С 4-я и бол. лош	Лошад	Коров.	Овец.
1882	141	359	361	720	16	42	20	20	39	472	327	806
1923	169	407	450	857	71	55	26	15	2	198	206	350

В этих цифрах важно отметить сравнительно близкое соотношение в количестве хозяйств с одной, с двумя и с тремя лошадьми (42 и 55, 20 и 26, 20 и 15). Если перечисленные три группы мы соединим в одну, то получим 82 и 96—цифры довольно близкие. Эту устойчивость приходится наблюдать на ряду с резким изменением в сторону

*) До сих пор не землеустроенной.

увеличения числа безлошадных с 16 до 71 и не менее значительным уменьшением хозяйств с большим количеством лошадей: с 39 до 2.

Два основных фактора привели крестьянские хозяйства Ивановки в такое состояние: малоземелье и голод 1921 года. Способствовали упадку и общинные формы землепользования, ежегодные переделы пахатной земли, низкие урожаи зерновых культур, явившиеся следствием засоренности полей и плохой их обработки.

Теперь будем рассматривать цифровые данные, относящиеся к 1924 году. Ниже помещаемые таблицы отчетливо обнаруживают социально-экономическое расслоение в пределах нашего села. Цифровые данные сгруппированы отдельно для каждого об'единения и кроме того для сопоставления даны цифры 5%-ого обследования всей Екатериновской волости и сводка для Ивановки не расчлененной, в составе всех групп.

Состав семьи в крестьянских хозяйствах. В приведенных цифрах прежде всего обнаруживается закономерность в отношении состава семьи. Сгруппированные по наличию рабочего скота различные категории хозяйств обладают не одинаковой полнотой семьи. От среднего состава в 2,7 человека цифры ростут по группам в среднем до 10,5 и 11,0. Особая стройность в возрастании этих цифр—в графе по всей Ивановке.

Категории хозяйств.	Средний состав семьи.					
	По Екатер. вол. 5% обсл. Губстат Бюро.	По всей Ивановке.	В артели Шурум-пусь.	В артели Турпай.	В Ново-Оренбур.-Ник. поселке.	В оставш общине с Ивановки.
Без всяк. скота	2,7	3,8	—	3	—	3,1
„ рабоч. скота	3,4	4,1	—	6	—	4,0
С 1 гол. раб. ск	4,7	4,7	3,2	5	4,5	4,9
„ 2 гол. „	6,7	5,9	4,0	7,5	5,6	6,3
„ 3 гол. „	7,1	8,1	6,6	8,4	6,7	9,7
„ 4 гол. „	—	8,4	8,6	6,0	9,0	—
„ 5 гол. „	—	10,5	11,0	—	10,0	—

В следующей таблице состав семейств обозначен в абсолютных цифрах для отдельных об'единений.

С числом душ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	14	17
Число хозяйств во всей Ивановке	2	23	23	33	34	19	12	12	6	5	4	1	1
Число хозяйств в арт. Шурумпусь	—	1	3	1	1	1	3	1	—	—	2	—	—
Число хозяйств в арт. Турпай	—	—	2	2	2	6	2	1	1	2	1	1	—
Число хозяйств в пос. Ново-Оренб.-Ник.	—	—	—	3	7	2	1	4	—	2	1	—	—
Число хозяйств в общине	2	22	18	27	24	10	6	6	5	1	—	—	1

Цифры по всей Ивановке дают стройное возрастание до макимума (34) который приходится на семью в 5 человек и дальше идет постепенное падение цифр. Такое же правильное возрастание и падение цифр по общине, но максимальное число хозяйств (27) приходится на семью в 4 человека. Что же касается выделившихся об'единений, то цифры как бы разбились и трудно определить характерное число хотя бы по артели «Шурум-Пусь». Но здесь надо сделать важную оговорку, внести поправку, которая дает возможность востановить характерный ряд цифр: За последние годы наблюдалось усиленное „искусственное" дробление дворов, может быть, с целью уменьшить обложение сел.-хоз. налогом. В артели «Шурум-Пусь» мы и имеем это дробление. Так семья Яшкиных имевшая в 1923 году 17 едоков, при 7-ми лошадях и 2 коровах, в поселенном списке 1924/25 г. обозначена так:

Яшкин Вас. Дм. (1 кор. и 3 лош.) . . . . 7 едоков.
Яшкин Ив. Вас. (1 кор. и 2 лош.) . . . . 4 едока.
Яшкин Мих. Вас. (без кор. с 1 лош.) . . 3 едока.
Яшкин Дм. Вас. (без кор. с 1 лош.) . . 3 едока.

То же самое с семьями Ильжеева, Никулина и Сахтерова.—Без всяких изменений в общем числе жителей в тов-ве «Шурум-Пусь» в один год число дворов возросло с 7 до 13. И если в таблицу, где цифры так разбились внести прежние 7 дворов, то стройный порядок цифр восстановится и обнаруживается максимум для семьи в 11 человек. На многосемейность и указывало т-во Шурум-Пусь при землеустройстве, как на лишний стимул для выделения из общины.

Обезпеченность крестьянск. хозяйств скотом.

Социально-экономическое расслоение сказывается особенно резко, когда мы знакомимся с обезпеченностью крестьянских хозяйств скотом: при создавшихся в Ивановке группировках характерно то, что 53 выделившихся из общины двора имеют в 1924 году—125 лошадей, в то же время 122 двора

общины имеют лишь 78. В среднем на 1 двор в общине приходится 0,6 лошади, а на 1 двор в землеустроившихся об'единениях—2,3.

Подробнее эти сведения приводятся в следующей таблице:

Категории хозяйств.	5% выбор обсл Екатер волость.		Вся Ивановка		Артель Шурум-Пусь.		Артель Турпай.		Ново-Оренб. Ник. поселок.		Общество с Ивановки.	
	Кол. двор.	Кол. лош	Двор.	Лош.	Двор	Лош.	Двор.	Лош.	Двор.	Лош.	Двор.	Лош.
Без всяк. скота . .	27	—	44	—	—	—	1	—	—	—	43	—
„ раб скота . . .	71	—	22	—	—	—	1	—	—	—	21	—
С 1 гол. раб. ск. .	51	51	55	55	5	5	6	6	2	2	42	42
„ 2 гол. раб. ск. .	33	66	25	50	1	2	2	4	10	20	12	24
„ 3 гол. раб. ск. .	8	24	20	60	3	9	9	27	4	12	4	12
„ 4 гол. раб ск. .	1	4	7	28	3	12	1	7	3	12	—	—
„ 5 гол. раб ск. .	—	—	2	10	1	5	—	—	1	5	—	—
Всего . .	—	—	175	203	13	33	20	44	20	51	122	78

В отношении обезпеченности рогатым скотом разница меньшая: выделившиеся 53 двора имеют 54 коровы, 122 двора общины—79. В абсолютных цифрах перевес на стороне общины. На один двор в общине приходится 0,6 коровы—в землеустроившихся об'единенных—1,0.

Для отдельных категорий хозяйств обезпеченность рогатым скотом такова:

Категория хозяйств.	В среднем на одно хозяйство приходится коров.					
	В Екатеринов. волости.	Во всей Ивановке.	В арт. Шурум-пусь.	Арт. Турпай.	В посел. Ново-Орен.Ник	В оставшейся общине.
Без всяк скота	0	0	—	—	—	0
„ рабоч. скота	0,1	1,0	—	1,0	—	1,0
С 1 гол. раб. ск.	0,7	0,7	0,6	0,8	0	0,7
„ 2 гол. раб. ск	1,5	1,0	1,0	1,0	0,8	1,2
„ 3 гол. раб. ск.	2,1	1,4	1,0	1,2	1,2	2,2
„ 4 гол. раб. ск	2,0	1,7	1,6	2,0	1,6	—
„ 5 гол. раб. ск.	—	1,0	1,0	—	1,0	—

Посевная площадь. И здесь цифры открывают ослабленность хозяйств и их экономическое расслоение. Общая посевная площадь для всех дворов Ивановки составляет в 1924 году—685 десятин, тогда как в 1913 году Ивановка засевала на надельных, купчих и арендованных землях 1139 десятин, в 1920 году только 541.

Наименование об'единений.	Общая земельная площадь.	Посев в 1924 г, ***)	% посевн площади к общ. пл земли.	На одно хозяйство приходится (в средн.). Земли.	Посева.
В общине	1170,7 **)	285,0	24,3	9,5	2,3
Арт. Шурумпусь . . .	316,7 *)	92,0	28,9	24,3	7,0
Ново-Оренб. посел . .	605,8 *)	204,5	33,7	30,2	10,2
Арт. Турпай	311,0	103,0	33,8	15,5	5,1

По категориям хозяйств процент использованной (засеянной) площади колеблется от 16,9—39,5.

Категории хозяйств по скоту.	Общая земельная площадь.	Посев.	% посева к общ. зем. пл.
Без всякого скота	824,7	55,0	16,9
„ рабоч. скота	161,6	33,2	20,6
С 1 голов. рабоч. скота	665,8	183,1	27,6
„ 2 голов. рабоч. скота	452,[illegible]	148,7	33,0
„ 3 голов. рабоч. скота	478,7	155,1	32,2
„ 4 голов. рабоч. скота	238,5	78,8	32,8
„ 5 голов. рабоч. скота	81,6	32	39,5

*) Вместе с арендованной землей в госфонде.

**) Община до сих пор не землеустроена и цифра взята из поселенно—окладного списка 1924 года. Площадь заливных лугов (303 дес.) переведена в десятины пашни.

***) Цифры взяты из поселенно-окладного списка 1924 год.

Какие же хозяйства являются наиболее типичными по количеству посева, увидим в след. таблице.

Категории хозяйств по посеву.	Количество хозяйств.					
	5% выбор обсл Екатер волость.	Вся Ивановка.	Арт. Шурум-Пусь.	Арт. Турпай.	Поселок Ново-Оренб.	Община.
Без посева	23	9	—	—	—	9
До 1 дес. посева . .	41	27	—	—	—	27
„ 2 „ „ . .	29	34	—	2	—	32
„ 3 „ „ . .	27	28	—	—	—	28
„ 4 „ „ . .	19	27	5	7	—	15
„ 6 „ „ . .	19	15	1	4	2	8
„ 8 „ „ . .	13	14	4	4	4	2
„ 10 „ „ . .	5	10	1	3	5	1
„ 16 „ „ . .	5	9	1	—	8	—
Свыше 16 д. посева . .	—	2	1	—	1	—

Потребительское хозяйство, имеющее менее 2-х десятин посева, является типичным для общины.

Платежи. В поселенном списке плательщиков единого с.-х. налога за 1924—25 год, мы находим итоговые суммы государственного налога, с надбавкой на местные нужды. Размеры обложения получились различные для общины и для выделившихся об'единений, хотя конечно, степень обложения варьирует в пределах самой общины и внутри землеустроенных групп.

Общие суммы платежей единого с.-х. налога за 1924—25 г.

Наименование об'единений	Колич. дворов.	Всего десят. земли в переводе на пашню.	Общая сумма обложения.
Община с. Ивановки	122	1170,7	1963 р. 19 к.
С.-х. коопер. т-во „Шурум-Пусь" . .	13	316,7	689 р. 20 к.
Артель „Турпай"	20	311,8	595 р. 10 к.
Поселок Ново-Оренбург. Никольский .	20	605,8	1293 р. 72 к.
Всего. . .	175	2404,2	4541 р. 21 к

Выделившиеся 53 двора в составе трех об'единений должны были в указанном году заплатить 2578 р. 02 к., что составило в среднем на двор—48 р. 64 к., а на десятину надела—2 р. 22 к. Несколько иные цифры по общине: 122 двора должны были заплатить 1963 р. 19 к.; в среднем на двор лишь 16 р. 09 к., а на одну десятину надела—1 р. 67 к.

Размер платежей неодинаково падает и на одного работника и на одного едока: в общине средний размер платежа на работника—7 р. 30 к., тогда как в землеустроенных группах—17 р. 18 к. На едока средний платеж в общине—3 р. 58 к., в землеустроенных об'единениях—7 р. 53 к.

Все эти различия об'ясняются легко тем, что в общине остались наиболее ослабленные хозяйства и они воспользовались льготами при обложении. Лишний раз свидетельствуют эти цифры и о том, что производительные силы Ивановки дифференцировались—наиболее мощные в производственном отношении группы из общины уже ушли.

Расчленение дальнейшего описания Ивановки. Цифры настойчиво говорят о необходимости расчленить дальнейшее описание села Ивановки. Отдельно, с особым вниманием мы будем наблюдать общину, как производственную и бытовую форму сельской жизни, как неизбежный продукт известных аграрных условий, в частности малоземелья. Любопытны и зарождающиеся новые сельско-хозяйственные об'единения. Быть может, различными путями пойдут наметившиеся социальные группы и в своем будущем развитии. Тем более глубоко должно быть изучено современное состояние оставшейся общины и выделившихся артелей и поселка.

К этому расчлененному описанию мы теперь и переходим.

Община в селе Ивановке.

Внешний быт. Беден быт Ивановки. В унисон однообразно глядят на прохожего ветхие строения с покосившимися козырьками полуразрушенных крыш; подслеповато выглядят земляные мазанки самых бедных граждан.

Избы крестьян среднего достатка построены из елового леса, покрыты большею частью тесом. Имеется и несколько «шатровых» домов тех крестьян, которые в прошедшие годы вели товарное зерновое хозяйство.

У каждого чувашенина имеется одна изба, которая служит и горницей и кухней и столовой, очень редкие имеют две избы. В избах по стенам стоят неподвижные лавки, обыкновенно плотно приделанные к стене, которые заменяют стулья и кровать. Кровать заменяют также полати, устраиваемые над самой дверью в заднем углу. Вообще чуваши очень скупы на мебель. У них мебели, кроме одного стола и одного стула, почти не имеется. В редких домах можно встретить шкафчик с посудой и несколько передвижных скамеек и табуретов; для сиденья служат просто чурбаки, обрубки бревен, небольшие кадушки, пудовки и даже ведра. Над лавками выше окон тянутся полки, предназначенные для хранения различных мелких принадлежностей. Рамы обыкновенно одинарные; в течении всей зимы довольствуются одними летними рамами. Избы содержатся довольно грязно, моются и убираются они только по большим праздникам. Материялом для топлива служат навозные дрова, называемые здесь «кизяками», которые приготовляются из навоза *) и весьма редко заменяются хворостом.

---

*) Навозные дрова приготовляются следующим образом: в течении зимы в одно известное место возится навоз; весною по окончании весенней пашни навоз этот мнут лошадьми до тех пор пока он не станет как глина; затем через несколько дней мятый навоз разрезывается устроенным для этого специальным топором на части вроде кирпичей, которые складываются в кучу, где они и сохнут в продолжении всего лета. К осени дрова бывают годны к употреблению.

В гегиеническом отношении чувашская изба стоит чрезвычайно низко. Свету в ней недостаточно, т. к. в избе делается обыкновенно три—четыре небольшие оконца; воздуху очень мало и он бывает испорчен вредными испарениями, происходящими от несодержания избы в чистоте и опрятности. Загрязняет избу табак, который обычно ввиде листьев стеблей и табачной пыли валяется всюду, этот табачный запах и табачная пыль характерны для чувашской избы. Вместе с хозяевами в избах всю зиму нередко живут телята, ягнята и поросята. Температура в избах непостоянная. Днем она иногда необыкновенно высокая, доходит до 25⁰ и постороннему непривыкшему человеку трудно пробыть в такой избе более 5—6 минут. Утром же в избе стоит необычайный холод, до того что мерзнет вода. Теснота и грязь помещений способствует развитию накожных заболеваний и трахомы, приписываемых чувашами различным злым духам. В летние дни избу заменяет в некоторых дворах лачужка, где чуваши готовят кушанья, обедают, ужинают и даже спят, а изба в летнее время остается в таких случаях пустою. Посредине лачужки устраивается очаг, в некотором углублении над очагом висит на крюке котел для варева пищи. У стены стоят лавки, около двери в углу стоит стол; пол в лачужке земляной, потолка нет. Обычно над очагом в дыму сидит хозяйка, приготовляя пищу, (пища готовится несколько раз в день) тут же хозяйка усиленно курит трубку, красные глаза ее слезятся. И так изо-дня в день и всю жизнь.

Набор необходимых домашних принадлежностей чувашской избы весьма ограничен с большим преобладанием деревянных предметов; к ним относятся самодельные деревянные жернова, ступа, корыто, кадушки, ушаты, деревянные долбленые из липы ведра, сито, решета и т. д. Металлические вещи, в роде топора, косаря, ножика, являются исключением.

Двор у чуваш всегда содержится в чистоте. На дворе устраивается амбар, погребец, конюшня и сарай. Надворные постройки большею частью плетеные и крыты соломой.

Характерной чертой внешнего быта чуваш Ивановки является их одежда. Сохранившиеся национальные костюмы и украшения у женщин состоят из платьев из самодельного белого полотна, украшенные нашивками и шитьем. Узоры этого шитья нередко представляют из себя весьма интересные образцы художественного творчества чуваш, это их национальное искусство. Особенно богат украшениями из монет, блях и морских белых раковин—костюм невесты, который дополняется тяжелым живописным головным убором. В обычное время женщины носят на голове сурбан—белое длинное узкое полотенце, которым обертывается голова. На спадающих концах сурбана пятна ярких нашивок и шитья. В обычном ежедневном костюме есть и много других украшений. Особенно стойко до наших дней национальные костюмы сохраняются и но-

сятся каждый день в бедных семьях. Зажиточные семьи стремятся носить платья из мануфактуры, национальные костюмы хранятся в сундуках, их избегают надевать даже в праздники.

Пища чуваш самая неприхотливая, состоит она обыкновенно из картошки, салмы, кашицы и каши. Каша является самой любимой и священной пищей, потому что ею молятся перед началом важнейших дел; изредка готовятся кисель из овсяной муки, мимер—кисель же, но из ржаной или пшеничной муки, его чуваши приносят в жертву Ириху; уха, пельмени из свинины обыкновенно готовятся только по праздникам. Изредка делается яичница, картофельник, шыртан (род колбасы, начиненной овечьим мясом и поджаренный в масле) это уважаемая пища у чуваш, для более почетных гостей, его приготовляют только более зажиточные чуваши и хранят в продолжении целого года. Молоко чуваши употребляют в кислом виде под двумя названиями: турых и уйран. Первый—кислое молоко в более густом виде, а последний в жидком, при чем он заменяет квас. Из молока же приготовляют чыкыт—род сыра, похожего на творог*). Чуваши изготовляют себе кушанья всегда горячее, свежее, т. е. особо приготовленное к завтраку, к обеду и ужину, и довольствуются только одной переменой пищи. Впрочем гостям подают несколько кушаний. Кроме ржаного и пшеничного хлеба пекут пироги с картофелем, горохом, капустой, пекут также изредка блины. Из мяса употребляется: говядина, баранина, гуси, утки, зайца и др. но особенно любимым блюдом считается баранина. Баранов чуваши обычно режут летом во время праздника «Синьзя», который праздновался раньше в продолжении всего петровского поста, в это время чуваши варят почти всего барана сразу, приглашают всех своих родственников и, помолившись бараном богу, все вместе его с'едают. Надо упомянуть о продуктах с бахчей. Во второй половине лета дыни, арбузы привозятся с бахчей целыми возами и часто тогда весь обед состоит из арбузов, которые едят с хлебом. Громадное количество арбузных корок, недоспелых арбузов и дынь поедают коровы.

Относительно спиртных напитков описывать настоящий момент весьма трудно. Конечно, чуваши Ивановки пьют и выпить любят и пиво, и водку, и самогон, но особенно преданы были ивановские чуваши пьянству в прежние годы, до 1897 года. Пьянство составляло главную их болезнь. Пили мужчины и женщины, старые и молодые, богатые и бедные, пили во всякое время, особенно же во время престольных праздников, свадеб, поминовений усопших и во время дележа лугов, когда за вино они продавали луговые наделы свои за самую ничтожную цену. Ни одно общественное дело не совершалось без вина;

*) Он приготовляется следующим образом: сгущенный под прессом творог засушивается на сковороде с маслом и прибавкою соли, потом снова обливается маслом и в этом виде подается на стол.

вино есть — дело сделано, без вина разлаживалось хотя бы самое полезное для общества начинание*).

Языческий культ. Община в Ивановке является носительницей вековых традиций не только в материальной, но и в духовной культуре; достаточно описать языческий культ, сохранившийся до наших дней. Упоминалось, что чуваши Ивановки принудительно были крещены в 1830 году.**) Обряды христианской религии, хотя и привились каким то образом, и довольно крепко, в мировоззрение чуваш, однако сохранились и яркие следы языческих верований.

Весной 1925 года, в четверг 5 июня, мне удалось наблюдать в Ивановке «Семик.» Этот обряд поминовения умерших совершался чувашами со своеобразной торжественностью: с утра на кладбище направилось много женщин в национальных костюмах с детьми, с значительным количеством всевозможных кушаний, главным образом состоявших из блинов и пива. Многие ехали на подводах, и всего на кладбище можно было насчитать более 50-ти распряженных телег. Весенний волжский разлив охватывал красивый небольшой полуостров, на котором расположено кладбище Ивановки. Природа как бы позаботилась о чувашах, оставив в этот день узкий переход на остров смерти. Кладбище было усеяно пестрой толпой народа. Около столика среди могил стояли священник с церковным старостой; здесь же были иконы и хоругви. Но многие чуваши не принимали участия в совершении христианской па-

*) Исторические сведения о пьянстве находим мы в церковной летописи, где под отдельными годами записано следующее:

„1883 г. Жалко что в народе все более и более усиливается пристрастие к пьянству; хорошо было бы, если бы торговля в питейных заведениях в воскресенье и праздничные дни была закрыта“. По рассказам крестьян с. Ивановки в 80-х годах в селе было три кабака. Предприниматели, в виду расположения чуваш к пьянству, конкурируя между собой, стремились открыть каждый в Ивановке свой кабак.

„1886 г. Между прихожанами из чуваш главный порок—сильное пьянство, которое доводит некоторых до положительного нищенства.“

„1888 г. В нравственном отношении прихожане с. Ивановки сравнительно с предшествующими годами улучшились не многим. Между прихожанами из чуваш главный порок, как и в прежние годы сильное пьянство, которое сильно расстраивает их здоровье и увеличивает смертность, а бедных доводит до положительного нищенства“.

„1897 г. Пьянство, бывшее главной причиной упадка нравственности у чуваш, теперь почти совсем уничтожилось (?). Даже винная лавка, бывшая прежде любимым местом пребывания чуваш теперь стала для них ненавистна и они чтобы избавиться ото всех сцен, которые обыкновенно происходят около кабаков, решили не сдавать больше квартиры под винную лавку и она поэтому у них была уничтожена“.

Ивановские чуваши отличаются и любовью к табакокурению. Курят почти все: мужчины и женщины, старые и молодые, курят табак самого низкого сорта обыкновенно листовой, разводимый самими чувашами.

**) См. приложение 1-е.

нихиды, сидели группами у отдельных могил. Совсем не обращали внимания на священника старухи. Могилы недавно умерших были покрыты белой простыней, тут же лежала кошма и та подушка, которая в течении года лежала на лавке возле стола в доме умершего. На многих могилах стояли горшки и деревянные чашки с блинами, кашей и др. кушаньями; в четвертях и кувшинах стояло пиво. Возле могил с мешками ходили нищие, собирали милостыню, присутствовало и значительное число собак. Чувашские старухи, в характерных национальных костюмах, некоторые с большими курящимися трубками, расположились возле отдельных могил. Среди старух были и ёмзи (ворожейки), играющие видную роль в обрядовой церемонии. Они скорчившись сидели или лежали на покрытых кошмою могилах, переходили от одной могилы к другой, пробовали пищу и пиво, посыпали могилы пшеном. Лежа на кошме некоторые женщины плакали, скрывая лицо в подушке.

Бывшие со мной студенты Сам. Этнолого-Археологических курсов пытались зарисовать отдельные детали обряда. Удалось сфотографировать несколько групп, хотя этим непосредственность ритуала была нарушена, наше присутствие, видимо, стесняло собравшихся: Две сидевшие у могилы старухи, при нашей попытке сфотографировать их, не разрешили нам этого сделать: одна из них вскочила, быстро отошла в сторону и стала к нам спиной у ограды соседней могилы. Не удалось также сфотографировать и характерную фигуру почти слепой старухи, которая сидела в кустарнике вдали ото всех у могилы вместе с маленькой девочкой.

Бытовые явления, вышедшие из глубины тысячелетий, от нашего любопытства при нашем назойливом прикосновении теряли черты непосредственности, блекли на наших глазах. Мы вернулись в село вместе с толпой, растянувшейся на протяжении всего пути в полторы версты. Лента ярких пятен красиво рисовалась на фоне зеленеющих полей, окаймленных на горизонте лесом «Вислой Дубравы».

За Волгой синели горы и были видны чащи лесов, откуда пришли ивановцы в XVIII столетии. В прекрасное весеннее утро, казалось, мысли у всех убегали в далекую старину. В дикой прекрасной природе Самарской Луки веками самобытно развивались социальные отношения, верования и обычаи чуваш и следы тесной связи быта чуваш с окружающей их природой мы наблюдаем теперь в 1925 году.

Описанные факты ярко характеризуют замкнутый быт общины. Этот быт в свою очередь и создает психологический тип отсталого земледельца, не желающего и не умеющего бороться с природой. Боязнь природы заставляет земледельца приносить ей жертвы.

Крестьянин-общинник, как хозяин. Хозяйственная психология общинника складывалась на протяжении долгих десятилетий, как продукт всего сельско-хозяйственного быта села Ивановки: промысловое отношение к земле, потребительские идеалы в отношении своего хозяйства. Этот хозяйственный быт сложился под давлением всех описанных выше процессов экономического и аграрного порядка. Отсталая техника в полеводстве при общинном землепользовании обусловлена ежегодными переделами полей, всевозможными арендными сделками на земельные доли на раздробленные маленькие «загоны» в отдельных полях. И крестьянин-общинник покорился судьбе, у него отсутствует здоровая хозяйственная инициатива. Производительные силы крестьянских хозяйств в общине замкнуты в какой то заколдованный круг.

Земледелие, по представлению земледельца общинника, с каждым годом падает. Раньше пшеница родилась здесь лучше других хлебов и ее сеяли много, теперь же на выпаханной «растравленной» земле урожаи ничтожны, особенно вследствии засоренности полей. Лет 60—70 тому назад, по представлению общинника, все крестьяне Ивановки жили в богатстве и довольстве (хотя и тогда в Ивановке были семьи, в которых из 5-ти человек трое были слепыми, какая тут жизнь!) «Земли тогда было очень много»—и эта память о бывшем когда то земельном просторе, о девственных залежах, на которых твердая пшеница всегда «выстаивала», склоняет крестьянина к ведению своего хозяйства с сравнительно небольшими затратами сил.

Соблазн брать, брать и брать от природы, не развивая свои собственные усилия, характеризует особенно ярко крестьянина общинника и в частности ивановского чувашенина. С упадком земледелия, по представлению крестьян общинников, стало падать и скотоводство. Воспоминания глубоких стариков о том времени, когда каждый (?) домохозяин имел по несколько десятков лошадей и большие гурты овец, сопоставление этих сведений со слабым состоянием современного скотоводства—развивают у крестьянина ту апатию, то глубокое безразличие, которые в свою очередь обусловливают хозяйственную непредприимчивость и бездействие крестьян в отношении культурных улучшений в своем хозяйстве.

В самой общине наблюдается своеобразная дифференциация хозяйств; есть более «предприимчивые» и более апатичные. Первые приарендовывают землю своих обессиленных соседей, пользуются их дешевым трудом, практикуя «отработки», «испольщину» и т. д. Эти бытовые приемы эксплоатации труда среди совершенно обессиленных ослабленных хозяйств способствуют последовательному и беспрерывному разрушению производственных единиц в селе и гибели отдельных хозяйств, теряющих связывавшую их семейно-хозяйственную организацию. Целый ряд вымерших по мужской линии фамилий указывает на деградацию общины, каковой процесс усиливается в голодные годы.

Направление общинного хозяйства. Основной отраслью общиннго хозяйства является, конечно, полеводство с значительным преобладанием в посеве зерновых культур. Что касается других и подсобных отраслей хозяйства, то в Ивановке они весьма слабо развиты.

Из мелкого животноводства до голода 1921 года отдельные хозяйстве держали свиней и имели приплод; по данным переписи 1920 года значится в Ивановке 78 свиней. Птицеводство находится в полном распоряжении женщин, которые имеют навыки в ухаживании за птицей. Особенно много в Ивановке было всегда гусей; белые стада этой излюбленной чувашами птицы расхаживали по селу, водную кормежку им предоставляла река Безенчук, в 1920 году, несмотря на прошедшие продразверстки, еще оставалось 226 гусей, уток было 7, кур 739.

Сады, имеющиеся позади усадеб во многих дворах, не имеют хоть сколько нибудь товарного значения: несколько плодовых деревьев тесно перемешаны с березой, черемухой—этими излюбленными деревьями у чуваш.

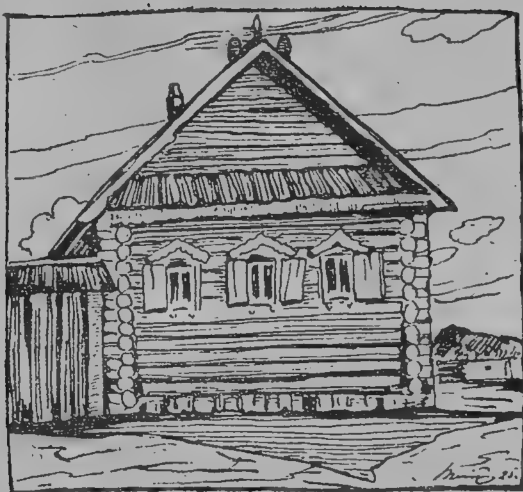
У единичных хозяев имеются пчелы.

Не развито и огородничество, если не считать бахчей, высеваемых в поле и посевов картофеля и отчасти капусты в узкой песчаной пойме р. Безенчука.

Зимой чуваши Ивановки занимаются плетением лаптей, ткут холсты для себя, кое-кто занимается валяньем теплой обуви из овечьей шерсти. Чуваши умеют приготовлять домашнее сукно. Пряжа шерсти практикуется для собственной надобности.

В прежнее время приходилось зимой подрабатывать извозом, из отдаленных степных сел доставляли хлебные грузы в Екатериновку, теперь же зимой лошади заняты лишь возкой сена из лугов и изредка хвороста купленного в лесничестве.

Выделившийся из общины поселок.

Облик поселка. На широкой равнине в 3-х верстах от ст. Безенчук виден вновь возникший поселок Ново-Оренбургский-Никольский, выселившийся из Ивановки. Поселок хорошо виден из окна вагона, когда, от'езжая от ст. Безенчук к Самаре смотришь из окна вагона на юг. Среди расстилающихся полей в окрестностях нового поселка нет пока других селений кроме деревни Дмитриевки и хуторов Песоченского немецкого поселка. А пространство, окаймленное в синеющем горизонте сыртовой грядой, громадно. И если не знать, что эти большие участки б. Удельного Ведомства представляют теперь из себя лентообразные полосы и отдельные клочки надельных земель приволжских больших многодворных селений—то невольно подумаешь—какой простор! и не поверишь, что в этом районе остро ощущается малоземелье. Но когда знаешь, что на небольшие «загоны» этих полей крестьяне ездят работать за 15—20 верст, перестаешь восторгаться простором и думаешь лишь о том, как неустроено наше хозяйство...

Тем более отрадно видеть возникающий поселок Ново-Оренбургский-Никольский, этот яркий факт намечающегося переустройства современной деревни, в частности сельско-хозяйственного быта села Ивановки.

Даже издали видно, что переселенцы ивановские замышляют зажить по новому: возникающие группы построек раскинулись широко. Избы перевезены еще не все, пока на месте только надворные пост-

ройки и сараи, в которых временно в летнюю пору живут переселяющиеся крестьяне. Интересно наблюдать отдельные моменты возникновения новой деревни. Среди равнины монотонных полей образовалась улица с двумя колодцами. Появились плетни новых усадебных мест, заборы из жердей, плетневые сараи, кое-где тремя оконцами глядят и избы. Это все большею частью старые постройки, перевезенные из Ивановки. Но молодой крестьянин Сахтеров строит избу из новых бревен, будут и еще новые постройки из сплавленного самими крестьянами по Волги леса.

Распланировка усадебных мест. Землемер, производя в натуре отграничение усадебных мест, внес в протокол следующие сведения: «13 мая 1922 года в 8 час. утра приступили к разбивке усадебных мест на земле из частей участков №№ 28, 176 и 307 и части Оренбургской скотопрогонной дороги. Всего 20 усадеб были нарезаны площадью по 1 каз. десятине каждое. Усадьбы отведены в два порядка по 13 усадебных мест. Ширина усадеб 24 сажени, длина 100 сажен. Через каждые две усадьбы оставлены проулки по 10 сажен шириной. Улица между порядками проложена шириной в 20 сажен». Эти сведения, занесенные в протокол, отвечают современной действительности.

Обводнение. Еще давно на отведенном участке существовал колодезь, около него и построились. Во время переселенья вырыли другой колодезь, глубиной, как и первый, около 9-ти сажен; к большому деревянному вороту одного из колодцев приспособлена цепь с двумя большими ведрами, здесь же к колодцу примыкает длинная колода для пойла скота. Удовлетворительным такое водоснабжение быть не может. Крестьянам нового поселка нужен пруд и есть возможность вырыть его в подходящем месте среди села. В небольшой ложбинке весной при таяньи снега бывает значительный напор воды, здесь и предполагают новоселы вырыть пруд и соорудить плотину.

Как происходило выделение. Землеустройство поселка осуществилось, как было сказано, в мае 1922 года. Важно отметить некоторые факты, сопутствовавшие выделению. Происходившие после аграрной революции ежегодные перераспределения земель привели жителей села Ивановки к значительному обеднению. Многие граждане сознали, что их бедность происходит от некультурного ведения хозяйства. Наиболее передовые крестьяне хотели бы ввести агрикультурные улучшения в своем хозяйстве и тем самым поднять урожайность хлебов на своих полях, увеличить количество скота, изменить к лучшему племенной состав животных. Но желанья отдельных крестьян улучшать свое хозяйство наталкивались на неподвижность всего общества, на те хозяйственные традиции, о которых говорилось. По прежнему на полях общества в каждом поле у отдельного хозяина было не менее 4 загонов. Далекое расстояние этих загонов увеличивало неудобства землепользования. Стремление у отдельных граждан вести сельское хозяйство «на

культурных началах» сливалось со стремлением как бы то нибыло землеустроиться вне общины. Голодовка 1921 года застала Ивановку в состоянии полной безпомощности. Когда от голода умерло около 200 человек, после того как крестьяне питались суррогатами и даже падалью, перед некоторыми ивановцами ребром тогда стал вопрос о переустройстве своего хозяйства, особенно в части полеводства; они осознали, что одной из причин голода было отсутствие в их полях поздних пропашных культур, давших некоторый сбор даже в 1921 году.

И так, стимулом к выселению из Ивановки было желание отдельных крестьян вести свое хозяйство по новому. В конце 1921 года подали заявление о землеустройстве с выселением только 12 домохозяев, почти одновременно образовалась другая группа в 7 дворов, последняя по совету земельных органов об‘единилась с первой. К этому моменту оказалось желающих выселиться 22 домохозяина с 166 душами населения. Этой группе пришлось принять устав артели, хотя крестьянские хозяйства оставались не общественленными, таковыми являются и теперь. Общество в целом не особенно сочувственно отнеслось к выделению поселка, возникали споры, но все же дело «до суда не дошло», к тому же выселенцы получали землю не из бывших надельных земель. Недоброжелательно общество относится к выселенцам и теперь: согласно договора ново-поселенцы были обязаны переселиться на отведенный участок и освободить усадьбы в Ивановке не позднее 3 июня 1925 года. Этот срок наступил и общество требует очищения усадебных мест в селе, что не выполнено до сих пор ввиду недорода и отсутствия средств у переселенцев на перевозку строений и на плотничьи работы.

Хозяйственное состояние поселка. Граждане Ново-Оренбурско-Никольского поселка ввели у себя на полях пятипольный севооборот с двумя выводными клиньями, для многолетней травы и для выгона. Чередованье полей следующее, при чем в каждом поле по 73 десятины:

1. Пар (ранний).
2. Озимая рожь.
3. Яровое.
4. Пропашное.
5. Яровое.
6. Выводной клин для многолетней травы.
7. Выводной клин для выгона.

Выводной травяной клин засеян костром и люцерной, но не весь —не хватило семян и остальная его часть в нынешнем 1925 году занята пропашными растениями, благодаря чему в этом году пропашные культуры занимают площадь в 112 десятин; это 30% ко всей посевной площади, что является весьма редким примером такого значительного посева пропашных растений, среди которых первое место занимают просо, кукуруза, картофель, подсолнечник, встречается посев чечевицы. Бахчевые высеваются особо. Пропалывание пропашного клина осуще-

ствляется ручными и конными планетками, а также обыкновенными мотыгами. Ручные планетки приобретены в Госсельскладе только в нынешнем году. Партии преимущественно подростков всю весну и начало лета работали в пропашном клину, пришлось пропалывать поля несколько раз, т. к. после прошедших весной обильных дождей поля буйно простали различными сорняками.

Пропашной клин является в поселке Ново-Оренбургско-Никольском крупным агрикультурным нововведением, дающим большую устойчивость крестьянским хозяйствам и возможность более полного использования людской рабочей силы. Пропашной клин заметно пополняет кормовые рессурсы для животноводства.

Ранний пар поднимается во второй половине мая, вспашка производится однолемешным плугом глубиной от 3-х до 4-х вершков. Обработка пара, за неимением полольников, пружинных борон и культиваторов, осуществляется бороной, что не достигает цели устранения прорастающих сорняков. И этот недостаток в орудиях обработки пара ощущается особенно остро.

Вспашка под яровые культуры производится осенью после уборки хлебов. Весной после бороньбы посев производится рядовыми сеялками. Весенний сев начинается при первой возможности приступить к таковому. После сева поля укатываются деревянными катками. Широкорядный посев дает возможность при необходимости пропалывать посевы. Надо добавить, что вообще борьба с сорняками является в наших местных условиях одной из главных агрикультурных задач, т. к. сорные травы, отнимая у культурных растений столь драгоценную в наших условиях влагу, резко-понижают урожайность полей.

Об уровне урожаев на полях нового поселка говорить преждевременно, нет достаточных цифровых данных за ряд лет. Неблагоприятные условия весенней и летней погоды в 1924 году снизили урожаи; с обыкновенных выпаханных полей было снято пшеницы в среднем не более 15 пудов с десятины. Твердые земли дали в этот неурожайный год до 40 пудов. Из пропашных в 1924 году кукуруза дала 122 пуда, подсолнух 70-80 пудов, картофель 500. В нынешнем 1925 году ввиду благоприятных условий весенней и летней погоды урожай зерновых культур в поселке превысит средние урожаи по уезду, пшеница даст от 60 до 100 пудов на казенную десятину. В будущем, не смотря на резкие колебания, которые неизбежны по климатическим условиям, правильные приемы в полеводстве скажутся, и в сравнении с общинной обработкой—поля поселка будут давать несомненно большие урожаи.

Тенденция в улучшении отрасли животноводства лишь намечается: приобретен племенной бык; скота пока мало, коров дойных 30 простой русской породы, молодняка 20 голов, овец 95, свиней 8. Кормление скота происходит пока без всякого учета. Но интерес к развитию племенного дела назревает, помимо купленного быка ангельнской породы—

приобретено 4 черкасских барана из племенного рассадника Безенчукской сел.-хоз. опытной станции.

В связи с развитием животноводства всегда остро в местных условиях встает вопрос о выгоне. Крестьяне поселка уже опасаются, что 73 дес. выгонных угодий для увеличенного стада будут недостаточно.

Общую агрономическую помощь ввиде советов по организации хозяйства переселенцы получали главным образом на Безенчукской опытной станции, которая расположена в 4-х верстах от поселка. Следует отметить агрикультурную роль одного из крестьян поселка—Максима Семеновича Егоркина, пользующегося большим авторитетом среди односельчан. В 1924 году М. С. посеял кукурузу один из всего поселка и в этот неблагоприятный для зерновых хлебов год—получил от посева кукурузы значитлльную поддержку в своем хозяйстве. В 1925 году кукурузу посеяли уже все односельчане*).

Подсобные промыслы и второстепенные отрасли хозяйства в поселке также не развиты, как в общине. Ткачеством занято зимой приблизительно 30 женщин, вырабатывается 600 аршин холста для домашней надобности; около 30 мужчин занято зимой плетением лаптей, вырабатывается 300 пар лаптей, которые также потребляются в своем хозяйстве.

Социально-экономические отношения. Все хозяйства поселка являются трудовыми крестьянскими хозяйствами средняцкого типа: «жителей у нас нет»—говорят крестьяне сами о своем поселке. Наоборот, несколько хозяйств только что выбились, или лишь выбираются из большей нужды, есть в поселке и хозяйство такого крестьянина, который в продолжении целого ряда лет был рабочим на военном заводе в Иващенкове и только теперь возвращается к земледельческому труду. История этого хозяйства интересна... Все хозяйства обслужены собственным трудом семьи, за исключением немногих, которые нанимают батраков поденно на страдную пору во время полки, жатвы и молотьбы. С каким напряжением восстанавливают ослабленные хозяйства свои силы можно судить, сопоставляя цифры обеспеченности хозяйств рабочим скотом за два смежных года.

С количеством лошадей.	Число хозяйств. в 1923 г.	Число хозяйств. в 1924 г.
0	1	—
1	9	2
2	5	10
3	5	4
4	—	3
5	—	1

*) Авторитет М. С-ча характеризуется между прочим следующим фактом: во время одного из своих посещений поселка крестьянину Ильжееву я дал агрономический совет, дело касалось опыта посева озимой ржи по кукурузной стерни. „Вы об этом Максиму Семеновичу скажите, ответил мне Ильжеев, мы его во всем слушаемся".

Роль авторитетных лиц вообще в наших селах отмечалась при мне инструктором оргчасти Сам. УИК'а при докладе об обследовании одной из волостей Самарского уезда.

Общее количество лошадей за короткий срок увеличилось с 34 до 51 головы, а летом 1925 г. было уже 60 лошадей. За тот же промежуток времени в составе рабочего скота в общине произошли гораздо меньшие изменения:

С количеством лошадей.	Число хозяйств. в 1923 г.	Число хозяйств. в 1924 г.
0	67	64
1	37	42
2	9	12
3	5	4
4	—	—
5	—	—

Из мертвого инвентаря в поселке имеется 20 однолемешных плугов, 10 сеялок, 2 конных полольника, 18 ручных планет, 10 шт. трехзвенных железных борон, 2 молотилки. Наличие этих основных производственных элементов позволили поселку в небольшой промежуток времени увеличить и посевную площадь:

С количеством десят. посева.	Число хозяйств. в 1923 г.	Число хозяйств. в 1924 г.
0	—	—
0—5 дес.	6	2
5—8 »	6	4
8—12 »	7	9
12—16 »	1	5

Аналогичные изменения за те же годы в общине:

0	5	9
0—5 дес.	110	110
5—8 »	3	2
8—12 »	1	1
12—16 »	—	—

В этих цифрах следует отметить стремительное увеличение посевной площади в поселке, свидетельствующее о громадном напряжении сил крестьян, восстанавливающих производство за счет удовлетворения потребительских нужд и даже за счет неотложных расходов на свое переселение, которое задержалось из-за отсутствия нужных средств. В абсолютных цифрах посевная площадь увеличилась за указанный период:

в поселке с 148 до $204_{,5}$ дес. на $38_{,1}$
в общине с 253 до $285_{,0}$ дес. на $12_{,6}$

По составу семьи хозяйства поселка распределяются в 1925 г. так:

с числом душ:	4	5	6	7	8	10	11
число хозяйств:	3	7	2	1	4	2	1

Средний состав семьи $6_{,4}$. Всего в поселке 129 человек, против 124 чел. в 1923 году; увеличение на 5 человек.

Отношение крестьян поселка к обобществленным формам хозяйства. С 30 мая 1922 года поселок Ново-Оренбургско-Никольский принял устав производственной с.-х. артели, зарегистрировавшись в Райселькредсоюзе. В 1925 году поселок, как артель, был обследован. Волостным агрономом заполнена пространная анкета, в конце которой имеются заключения ВИК'а и ячейки Р.К.П.(б).

Приводим текст этих заключений:

«Артель Ново-Оренбургская—середняцкая из нацменов очень жизнеспособная, введен правильный семипольный севооборот с пропашным клином и посев кукурузы, давшей в неурожайный 1924 год урожая до 100 пудов с казенной десятины. Одному члену артели на средства артели куплена лошадь, а маломощным членам оказывается помощь всей артелью. Стремится к культурному ведению хозяйства и животноводству. Есть бык ангельнской породы, 4 черкасских барана. Артель нуждается в с.-х. инвентаре и эту нужду следует удовлетворить без очереди, как наиболее заботливую артель». Артель входит в Екатериновское с.-х. кредитное т-во, получает через него с.-х. инвентарь.

Заключение волостного агронома: «хозяйство артели «Ново-Оренбургская» стоит выше соседних общинных. Семипольный севооборот, дающий более хорошие урожаи, служит до некоторой степени примером для окружающего населения. У некоторых членов артели есть стремление улучшить животноводство».

Из приведенных заключений видно, что обобществление в поселке имеет лишь зачатки возможного будущего своего развития. К упомянутым фактам надо добавить, что на площади 12 десятин организована общественная запашка для обеспечения будущей школы в поселке (пока дети учатся в селе Ивановке). По крестьянские хозяйства по существу остаются единоличными. Взгляды самих крестьян на артельное хозяйство таковы: «Воспитайте сначала наших детей в школе так, чтобы они убедились в преимуществах обобществленного труда, а наши привычки остаются, их трудно переломить и мы будем вести крестьянское хозяйство пока по старому». Это заявление сделал молодой крестьянин поселка сельским учителям летних губ. курсов, обследовавших поселок в начале июня 1925 года (на вопрос, как крестьяне относятся к обобществленным формам хозяйства).

Новый быт. Земледельцы Ново-Оренбургско-Никольского поселка ушли из общины. Один этот факт свидетельствует об активности, о большей силе характера переселенцев, особенно если учесть необычайно тяжелые условия пережитых лет и общую ослабленность деревенского хозяйства. Приступая в новых условиях к организации своих хозяйств, крестьяне поселка вполне сознают целесообразность агрикультурных улучшений. Они хотят увеличить товарность хозяйства для того, чтобы оно было устойчивым в неурожайные годы, заботятся при этом о достаточной

территории для него, оптимальными размерами считают для трудового хозяйства 50—60 десятин.

Будучи «активистами», крестьяне поселка стремятся поднять и свой культурный уровень, выписывают газету «Бедноту» и журнал «Сеятель Правды»; заботятся они и об образовании своих детей, для которых думают оборудовать школу; несмотря на отсутствие школы в возникающем поселке, дети всетаки учатся в школе села Ивановки. Некоторые дети обучаются в школе нацмен II ступени в г. Самаре. По впечатлению сельских учителей, обследовавших поселок, большинство из крестьян поселка в просвещении видит залог будущей лучшей новой жизни.

Несмотря на отсутствие в новом поселке ячеек Р.К.П.(б) и Р.Л.К.С.М., члены таковых организаций имеются, они причислены к ячейкам села Ивановки, два члена Р.Л.К.С.М и два кандидата партии Р.К.П.(б). В результате последних перевыборов двое крестьян поселка и одна крестьянка состоят членами Ивановского сельсовета.

Однако на ряду с указанными фактами довольно отчетливо в нарождающемся поселке вырисовываются следы старого быта. Сами крестьяне сетуют на то, что на новом месте они строют по прежнему малоудобные избы, даже не знают, как бы можно было построиться по иному. Ко мне обращался один молодой крестьянин с вопросом—нет ли образцовых крестьянских дворов, в которых бы строения были усовершенствованы, ему хотелось бы посмотреть такой идеальной тип постройки, чтобы практически позаимствовать нововведения при возведении своих строений на новом месте.

Среди женщин, плохо знающих русский язык, стойко держатся религиозные представления и обряды наполовину христианские, наполовину языческие, вера в знахарство, в заговоры, в колдовство. Особенно чтут свой праздник «Семик»: в 1925 году накануне «Семика» несколько подвод отправились в Ивановку на кладбище с пивом и др. обрядовыми кушаньями; на торжество поминовения умерших поехали главным образом женщины и дети. В религиозном отношении проявляются довольно резкие противоречия: еще в прошлом году можно было прочесть на белой стене одной только что построенной мазанки в углу вместо икон такую фразу: «религия—пиявка на теле человека, надо ее выбросить». В нынешнем году один из крестьян, пожилой чувашенин, на вопрос о религии ответил так—(при чем на лице говорившего вспыхнул огонек каких то видимо глубоких переживаний): «Верили мы по своему—заставили в церковь ходить, принуждали, мучили; потом привыкать стали к новой вере—теперь опять бросай, зачем мучить?» Этот же крестьянин высказался против равноправия женщин. После долгих распросов нашлась и причина непризнания женских прав: «На базар поедешь—не смей выпить, все спрашивает, вмешивается в чужое дело; знай домашнее дело, зачем спрашивает?»

И еще во многих и многих сторонах жизни глубокие следы отсталых традиций. Не доходит до населения медицинская помощь, потому что женщины и дети не знают русского языка. Заболеет ли женщина, или ребенок, в больницу за 15 верст надо ехать мужчине переводчику, а это обстоятельство затрудняет поездку в рабочее время, да и смущает больную, если болезнь носит интимный характер. Поэтому и аборты, в случае необходимости, совершаются знахарками. Почти полным отсутствием медпомощи об'ясняются и детская смертность, накожные болезни, трахома и пр.

Надо думать, что с течением времени ростки нового быта, культуры и общественности проникнут глубже в толщу жизни нового поселка. Заглядывая в будущее, трудно предвидеть, как дальше будут складываться социально-экономические и хозяйственные отношения в поселке. Шире ли будут охватывать стихию крестьянских хозяйств обобществление производства, или в поселке самом последует расслоение, которое приведет к раздроблению земельной территории на отруба. Этот вопрос решит само будущее, хотя и теперь, наблюдая быт поселка, можно в нем видеть признаки новой сельско-хозяйственной жизни.

Сел.-хоз. кредит в Ивановке.

Система сел.-хоз. кредита. При анализе социально-экономических отношений мы упомянули о платежах, которые падают ввиде государственного обложения на крестьянские хозяйства с. Ивановки. Вместе с тем важно отметить ту материальную и финансовую государственную помощь, которая оказывается крестьянским хозяйствам в пределах Ивановки системой с.-х. кредита. Заметный приток капитала, столь необходимый для восстановления основных производственных элементов, мы наблюдаем в Ивановке ввиде с.-х. кредита, ввиде целевых ссуд, продвигаемых Сам. Сельхозбанком в деревню через кредитные товарищества. С.-х. кредит содействует прогрессивным изменениям в земледельческой технике, оказывает реальную помощь маломощным хозяйствам и вместе с тем содействует кооперированию с.-х. производства.

Ссуды Ново-Оренбургскому поселку. По счетам Екатериновского с.-х. кредитного т-ва за Ново-Оренбургской с.-х. артелью к 9-му ноября 1925 года числится ссуд, выданных главным образом с.-х. инвентарем, на сумму 5360 р. 65 к. Договор со всем поселком заключен на покупку трактора, который уже получен и был испытан на молотьбе. За трактор при его получении уплочена задаточная сумма в размере 750 рублей, остальные 1300 рублей будут покрыты в два срока: 50% в ноябре 1925 года и 50% в ноябре 1926 года. Вся артель в целом получила и молотильную машину, за которую 50% внесено, другая половина платы рассрочена на 1926 и 27 годы. Ар-

тель получила и семена трав: 10 пудов люцерны и 3 пуд. костра (количество недостаточное для обсеменения 72 десятин, предназначенных под выводной клин для многолетней травы). В нынешнем году артель уплачивает 25% стоимости этих семян. Отдельные члены артели получили через кредитное т-во 1 жатку-сноповязалку стоимостью 550 р. Ее купили братья Егоркины, уплатив 50% при получении; отдельными членами получены в кредит также 4 рядовые сеялки (одинадцати-рядные), плуг, 8 ручных полольников, несколько железных борон. Вся артель получила через т-во для посева в текущем году 120 пудов чистосортных семян ржи. Условия заключены на 3 года, возврат натурой из 22% годовых. Ново-Оренбургский поселок является несомненно кредитоспособным. И мы видим, что характер кредита чисто производственный. Каждое приобретение через кредитное т-во имеет глубокий агрикультурный смысл и практическое значение в развитии устойчивого крестьянского хозяйства; приобретенные предметы с.-х. инвентаря изменяют к лучшему технику земледелия; посевы чистосортными семенами, посевы многолетних трав поднимут производительность полей. Сельско-хозяйственный кредит в данном случае является фактором прогрессивного развития крестьянского хозяйства.

Ссуды, выданные в общину. По счетам того же кред. товарищества граждане с. Ивановки по 9 ноября 1925 г. получили разных ссуд на сумму 1750 р. 30 к. Беднейшему населению общины выданы следующие ссуды, которые являются характерными для потребительских хозяйств. Из голодного Рыковского фонда роздано 11 ссуд, среди них 7 по 15 рублей и 4 по 10 рублей. Самым бедным крестьянам общины Екатериновское кредитное т-во выдало из своего основного капитала кратко-срочных ссуд до 1 сентября 1925 г.—170 рублей на 10 дворов. Возврат этой ссуды, несмотря на незначительные размеры, задерживается, платежи поступают вяло. Беднейшим общинникам было тем же кред. т-вом роздано 10 станов колес, стоимостью по 12 рублей за стан, на условиях оплаты 50% цены при получении колес. Наконец, 12 безлошадных хозяйств в общине получили в 1925 году через кр. т-во лошадей, натурой, по цене 106 р. за лошадь. Условия требовали уплаты 50% стоимости при получении лошади, остальные 50% цены шли в ссуду. Ссуда выданная беднейшим крестьянам ввиде рабочего скота произведет тот эффект, что получившие лошадей крестьяне перестанут сдавать в аренду свою надельную землю. Однако на прогрессивные изменения в самой системе хозяйства эти ссуды не влияют; они поддерживают бытие ослабленных хозяйств, продолжающих, в силу всех сложившихся условий землепользования, в силу той же своей ослабленности, применять те же отсталые приемы в земледелии. Бюджетные данные, опубликованные в Ежегоднике Самар. Губстатбюро в 1924 г., обнаруживают экономическую структуру малопосевных крестьянских хозяйств. Хозяйства, имеющие до 2-х дес. посева, отчуждают

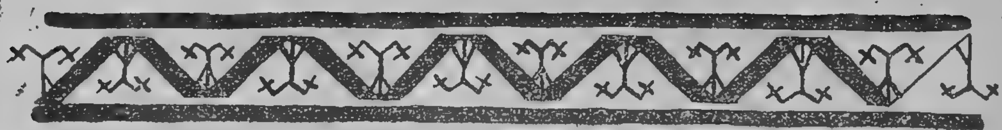
продуктов сельского хозяйства меньше, чем потребляют. Чистое отчуждение выражается отрицательной величиной. В группе х-в, имеющих до 4-х десятин посева, доходы от полеводства в денежном балансе также мало заметны по сравнению с поступлениями от других статей, в том числе заработков в чужом хозяйстве. При этих условиях с.-х. кредит, помещенный в такие хозяйства, агрикультурного эффекта сразу дать не может, особенно если территория хозяйства не землеустроена, если продолжаются ежегодные переделы, посевы озими по ленивке и налицо другие технические особенности мало-культурного хозяйства.

Ссуды, выданные артели «Турпай». Об этой артели, кроме заметки о землеустройстве, почти ничего не сказано. Правда, приведены цифры, характеризующие ее экономическую мощность. Крестьянские хозяйства этой артели оставляют позади себя ослабленные хозяйства общинников; усадебная оседлость артели остается в селе, но отведенный к одному месту участок земли дает возможность землеустроившейся группе ввести правильный севооборот, даже с посевом многолетних трав. Из Екатериновского кредитного т-ва получены в ссуду семена люцерны и костра. Из с.-х. инвентаря артель Турпай приобрела 3 лобогрейки, по цене 185 р. каждая, без задатка; 50% стоимости должны быть уплачены к сроку 1 сент. 1925 г., остальная часть ссуды погашается в 1926 и 1927 году. На тех же условиях куплено 3 веялки и 1 четырехконная молотилка. Некоторая земельная стесненность и отсутствие возможности арендовать землю ограничивают производственные возможности данной артели. От членов этой артели приходится слышать фразу: «землицы бы нам побольше».

Ссуды, выданные товарищ. «Шурум-Пусь». Эта землеустроившаяся группа получила в кредит семян трав: 10 пудов люцерны и 3 пуда костра, чистосортной ржи 170 пудов в ссуду на 3 года, с условием погашения натурой, с начислением 22% годовых. Нечего говорить о том, что эта ссуда будет производственно использована и своевременно возвращена государству в лице кредитующих органов. Особенно приятно агроному отметить появление на полях кооперированных хозяйств посевов многолетних трав, а также значительного количества пропашных растений.

В последней главе мы познакомимся с крестьянским хозяйством товарного типа, которое имеет определенную тенденцию быть «единоличным» хотя термин «единоличный» мало подходит к тому хозяйству, в котором хозяином является семья, «семейный совет».

Хозяйств деспотически управляемых главою семьи, в силу трудовой природы крестьянского хозяйства, почти нет в современной деревне.

Монографии крестьянских хозяйств.

Хозяйство Жеребкиных. У Алексея Жеребкина, родившегося во второй половине XVIII столетия было четыре сына: Андрей (род. 1799 г.), Абрам (род. 1803 г.), Петр (род. 1804 г.) и Кондратий (род. 1807 г.). Хозяйство упомянутого Алексея было, наверное, экономически крепким, что и дало возможность отпочковаться четырем дворам поименованных братьев. В сороковых годах XIX столетия у всех четырех братьев были довольно большие полные семьи, однако дальнейшая судьба этих дворов не одинакова.

Рассматривая генеалогическую таблицу фамилии Жеребкиных, составленную на основании документов*), мы видим, что потомство старшего брата Андрея, имевшего двух сыновей, Тимофея (р. 1827 г.), Степана (р. 1836) и трех дочерей, теряет мощь своего развития. Тимофей рано умирает и родившийся у него сын Матвей живет в доме Степана, но и этот, имея лишь одного ребенка дочь Анну (р. 1886 г.), по всей вероятности и в хозяйственном отношении оказывается не сильным и потомство Андрея вымирает по мужской линии, двор исчезает.

Потомство Петра имеется в настоящее время в лице домохозяина Ефима Федоровича Жеребкина. Это четвертое поколение после Петра. Семья Ефима состоит из 4-х человек, рабочим скотом хозяйство обеспечено, имеет в 1924 году 2 лошади и 1 корову.

Младший сын Алексея, Кондратий рано умирает, его жена Васса Степановна (р. 1807 г.) вместе с сыном Алексеем принуждена жить во дворе второго по возрасту брата, Абрама. Это был человек с сильной хозяйственной волей, о суровости которого сохранились рассказы до наших дней. Абраму суждено было прожить очень долго. В 1879 году умирает его единственный сын Никифор (р. 1841 г.), последний детей не имел. Тем не менее семья у Абрама была большая: помимо пле-

---

*) Исповедные росписи представляют ежегодные поименные регистрационные списки всего населения села, хранятся в Губ. Архивном Бюро. Этот ценный научный материал позволяет установить генеалогию всех крестьянских фамилий села Ивановки.

мянника Алексея, женившегося, имевшего в восьмидесятых годах почти взрослых детей: Михаила (р. 1864 г.) и Ивана (р. 1870 г.)—в дому Абрама живет и его зять, муж дочери Ксении—Тихон Сергеев с шестью детьми. В восьмидесятых годах, когда Абраму было уже более восьмидесяти лет—эта большая семья все держалась. Быт семьи, вероятно, скреплялся экономической мощью хозяйства и м. б. еще в большей степени суровым деспотизмом Абрама. Это было хозяйство—«единоличное».

После смерти Абрама домохозяином становится его племянник Алексей Кондратьевич, который в 1901 году делит хозяйство свое на две равные части, передает его своим сыновьям Михаилу и Ивану.

Хозяйство последнего и взято для описания.

При разделе Иван Алексеевич получил 9 лошадей, 2 коровы, 20 голов мелкого скота, дом, амбар и конюшню. Все имущество и весь инвентарь были разделены по жребию. В момент раздела Алексей Кондратьевич ушел из дому «чтобы глаза не видели» и свидетелем при разделе присутствовал его двоюродный племянник.

Семья Ивана Алексеевича в то время уже состояла из 6 человек, старшему сыну Ивану было 13 лет. После раздела, когда старший сын стал подрастать, хозяйство начинает крепнуть. Машин в хозяйстве почти совсем не было, их стал приобретать Иван Алексеевич только после 1911 года. Приобретение их было вызвано ростом хозяйства. В 1913 году Иван Алексеевич покупает у Крестьянского Поземельного Банка отруб в участке б. Удельного Ведомства № 165. К началу германской войны хозяйство увеличилось до следующих размеров: лошадей было уже 12, коров 8, мелкого скота около 40 голов, построено было 3 амбара и 3 конюшни. Территория хозяйства состояла из 21 десятины надельной земли и отруб 30 десятин. Удавалось приарендовывать землю и посевная площадь хозяйства в 1911 году равнялась 45 десятинам. Эти размеры фактического посева указывают на то, что хозяйство Ивана Алексеевича в дореволюционное время было хозяйством товарного типа. Потребовались уборочные машины, приходилось нанимать и рабочих: один рабочий нанимался на весь год, другой на лето, обычно брали пришлых рабочих из Симбирской, или Казанской губернии. Женского труда хватало в своей семье. На рынок сбывалось в первую очередь зерно, а также излишки от продуктов животноводства: шерсть, масло, кожа, продавался и скот. Птицы водили не много; только для собственного потребления держали и свиней.

Хозяйственные и экономические условия дали возможность Ивану Алексеевичу направить своего сына Георгия Ивановича сначала в среднюю, а затем и в высшую школу. Вкус к просвещению и к культуре у самого Ивана Алексеевича явился после военной службы, где, быв в деньщиках, Иван Алексеевич имел случай наблюдать иной чем в деревне уклад городской жизни. Старшему сыну, Ивану Ивановичу,

не удалось получить повышенное образование, хотя книгой он интересуется; устремления его все целиком направлены на хозяйство. Вообще главные привычки и навыки семьи все в землепашестве.—«Самая любимая работа». Каждый год эта семья старалась увеличить и улучшить свое хозяйство. «Так исстари века нам хочется, говорит Иван Алексеевич, другие о росте хозяйства не думают, а нам и сейчас (после разрушения отрубного хозяйства во время революции) хочется, чтобы немного хоть, а росло и улучшалось хозяйство». В революционные годы хозяйство сильно пострадало, стало стремительно падать с 1917 г. Скот стал убавляться. В 1918 году отняли 18 десятин пахотной земли, отруб поступил в ежегодные переделы к ивановскому обществу. Сильно сократилась посевная площадь—больше чем вдвое. Голодный 1921 год еще больше ослабил хозяйство, количество лошадей убавилось до 3-х, осталось только 2 коровы. Но хозяйственно-жизнеспособная семья уже с 1922 года, напрягая силы, энергично приступает к восстановлению хозяйства. В 1922 году приобретено было вновь 3 лошади, в 1923 году еще одна лошадь и третья корова. Хозяйство начинает оправляться. Жеребкины землеустраиваются в составе товарищества «Шурум-Пусь», получает землю на месте своего прежнего отруба в количестве $43,_{70}$ десятин. Эта площадь была меньше прежних размеров хозяйства (51 дес.) и Жеребкины торопятся заарендовать небольшой лежащий по соседству участок госфонда из быв. Оренбургской скотопрогонной дороги. На долю Жеребкина из этой земли приходится 16 десятин. Таким образом современная территория хозяйства, 58 десятин, как раз та площадь, которая, по мнению многих крестьян, необходима в наших условиях для ведения устойчивого хозяйства.

Такова история хозяйства Жеребкиных.

В настоящее время Иван Алексеевич, несмотря на свой сравнительно небольшой возраст (55 лет) главою хозяйства себя не считает. Руководящую роль в хозяйстве получил его женатый старший сын Иван Иванович (р. 1888 г.), другой сын Георгий Иванович, окончавший в 1924 г. с.-х. институт в Самаре, работает участковым агрономом в одном из уездов Самарской губернии. Младший сын Данило (р. 1907 г.) в нынешнем году женился и хозяйство Жеребкиных обогатилось лишний рабочей силой в лице жены Данилы, взятой из чувашского села, расположенного на Самарской Луке. Одна из дочерей И. А-ча училась когда то в гимназии в Самаре, в 1918 г. она умерла от сыпного тифа; другая дочь, все время работавшая дома, недавно выдана замуж в семью Сахтерова в этом же селе. Рабочая сила семьи теперь по прежнему состоит из 3 мужчин и 3 женщин; нетрудоспособных, за исключением двух детей И. И-ча, в семье нет. Семья Жеребкиных живет и работает дружно, преобладают ровные отношения, каждый по привычке выполняет хозяйственные задачи, выпадающие на его долю. Характерна фигура самого Ивана Алексеевича. Это худощавый

старик среднего роста. Продолговатое лицо, удлиненное еще более негустой черной бородкой, не имеет типичных чувашских черт. На собеседника обращен приятный мягкий взгляд голубых глаз. В лице Ивана Ивановича больше сходства с матерью, оно более типично для чувашенина. Иван Иванович—хозяин; все его мысли и вся энергия слиты с заботами о хозяйстве, он и при отсутствии страды никогда не сидит без дела—тогда он старается приобрести что либо для хозяйства или извозом, или поставкой сена для опытной станции, где всегда недостаток в кормах; всегда он в движении, редко застаешь его дома; любит он, между прочим, пчел и имеет в лугах свой пчельник, иногда дающий порядочный медосбор. Летние работы Жеребкины стараются выполнить своими силами. Поля от усадьбы находятся в расстоянии 5-ти верст. Там, на месте полевых работ, предполагали когда то построить хутор, но пока стоит там один плетеный сарай, в котором и приходиться жить в рабочую пору; на воскресенье возвращаются домой, моются в бане и после небольшого отдыха опять на неделю уезжают в поле. Хлеб для молотьбы возят домой. Что касается агрикультурных улучшений, то хозяйство Жеребкиных имеет в полях своих четырехпольный севооборот, озимь высевается по раннему пару и состояние посевов, равно как и урожай, всегда лучше чем на полях общины. За агрономическим советом Жеребкины обращались еще в 1909—10 годах, когда в Екатериновке работал агроном Н. П. Елизаров; последний энергично пропагандировал улучшенные приемы земледелия, водил экскурсии крестьян на Безенчукскую с.-х. опытную станцию, организовывал племенные хозяйства, зимой читал лекции для крестьян в земской школе. Об этом деятеле Ив. Ал-ч отзывается хорошо, равно как и о выдающемся священнике из чуваш А. Иванове, который учил крестьян жить по новому, т. е. учить детей в школе, ездить в больницу, мыть дома полы и т. д. В домашнем быту Жеребкиных много отличий от обычной чувашской семьи. Просторный «шатровый» дом, крытый железом, имеет несколько комнат, в которых есть мебель и даже цветы. Кроме русской печи в доме есть галанка, поддерживающая более ровную температуру зимой. Большие сени летом служат столовой. Отсюда ход в чуланы и во двор, окруженный конюшнями, кладовой и погребом, последние сложены из дикого камня и обмазаны глиной. Во дворе постоянно расхаживают гуси и свиньи с поросятами. Перед окнами дома в полисаднике, обнесенном небольшим заборчиком, посажены деревья. Общее впечатление усадьба Жеребкиных производит хорошее, заметен хозяйственный уклад, порядок и материальный достаток, хотя в обстановке все просто и скромно. Благополучие хозяйства и семьи обусловлено напряженным трудом и знаньем, уменьем хозяйничать. Если бывают избытки в бюджете хозяйства, они употребляются прежде всего на пополнение хозяйственных производственных элементов, на покупку с.-х. машин и орудий. Для хранения машин имеется специальный

сарай. Там хранится сноповязалка, лобогрейка, косилки и молотилка (8-ми конная), есть культиватор и одноконный полольник, не говоря о железных боронах, плугах и сеялках. Имущество всего хозяйства считается общим достоянием семьи. Лишь при разделе нарушается эта система. Характерно, что отец И. А-ча при разделе хозяйства ничего не оставил себе, сам стал жить в старом дому, как второстепенный член семьи, «иногда пойдет, поживет неделю у другого сына». Раздел назревает тогда, когда ростут семьи сыновей, живущих в одном дворе. «Ребятишки дерутся, у баб с пустяков ругакье выходит». Но у Жеребкиных вопрос о разделе пока не поднимался. Только когда у Данилы пойдут дети и будут подрастать—вопрос о разделе будет так или иначе решен. К общине отношение у Жеребкиных отрицательное: «В общине все не так, как по моей мысли». Отсюда стремление жить на хуторе. «Там поставим маленький домик и увидим, какая жизнь будет. Всетаки думаем—ненормальная жизнь эта» (в обществе). Но пока Жеребкины живут в селе. Не наблюдается у Жеребкиных и тяготенья к обобществлению с другими хотя бы однородными крестьянскими дворами. При землеустройстве, правда, т-во «Шурум-Пусь», в составе которого состоит хозяйство Жеребкиных, имело устав производственной коoп. с.-х. артели (зарегистрировано в Райселькредсоюзе 30 мая 1922 г. № $^{406}/_{413}$) но стимулом к об'единению 7 домохозяев было одно землеустройство. После него произошло, как упоминалось, даже несколько разделов и теперь вместо 7-ми числится 13 домохозяев. Обследование в 1925 году показало, что об'единение «Шурум Пусь» как артель не существует, тем более что в августе 1922 года было произведено вторичное дополнительное землеустройство для разделения коллектива на единоличные хозяйства (на отруба). И теперь обобществленного нет ничего, коллектив распался, о чем свидетельствуют заключения агронома Екатериновской волости*).

Это обследование подтверждает отсутствие у Жеребкиных и у всего об'единения «Шурум-Пусь» тяготенья к обобществлению. Нет

---

*) Заключение ячейки Р. К. П. (б)

„В артели были главным образом бывшие отрубщики, в свое время заинтересованные удержать таковые, но в настоящее время обрабатывается земля единолично, у некоторых имеется тяготение к агрикультурным мероприятиям, коллективного же фактически ничего нет“.

Заключение Екатериновского ВИК'а:

Артель „Шурум-Пусь“ распалась ввиду перехода на единоличные хозяйства. Несколько хозяйств интересуются культурной обработкой, три домохозяина ведут семипольный севооборот, остальные десять четырехпольный Сеют чистосортными семенами, в пропашном клину сеется кукуруза и подсолнух. Желательно слить опять в артель и вести культурное хозяйство, оказывая им необходимую помощь от правительства, ибо хозяйства эти состоят из нацменов и среди последних могли бы служить, как показательные“.

Заключение агронома:

„В с.-х. артели „Шурум-Пусь нет ничего об'единяющего ее членов, севообороты ведутся разные: четырехпольный и семипольный. Фактически артель, как таковая, не существует. В 1923 году она распалась, произведя землеустройство по выделению из артели единоличных хозяйств“.

желанья даже построиться поселком на участке, отведенном 13 домохозяевам.

Но в том, что Жеребкины ушли из общины—проявилась жизненность данного хозяйства, его сила. Несмотря на пережитую ломку хозяйства в тяжелые годы голода—хозяйство вновь приобретает признаки товарности, обнаруживает рост своих производительных сил.

Генеалогические заметки.

При экономическом изучении природы крестьянского хозяйства подмечено, что история крестьянского хозяйства есть в то же время история крестьянской семьи. Она начинается от выдела из отчего дома молодоженов, не обладающих сколько нибудь значительными средствами, но обладающим и трудоспособностью и энергией. С течением времени труд их дает результаты, но за то они все более и более обременяются детьми. Положение семьи начинает улучшаться, когда дети подрастают, становятся полуработниками и наконец работниками.

Это изучение роста крестьянских дворов, осуществленное экономистами на основе статистических наблюдений, может быть дополнено наблюдениями над судьбою отдельных крестьянских фамилий на протяжении значительного периода времени.

По Ивановке мы рассмотрим четыре генеалогических таблицы. Характер развития взятых фамилий разнороден.

Таблица № 1. Семья Ивана Сахтерова, от которой произошли все ныне существующие в Ивановке 24 двора Сахтеровых, в 1833 году состояла из 24 человек. Эта семья, помимо 53-х летнего работника—отца, имела 6 работоспособных сыновей, из них пятеро женатые уже имели своих детей. Всего в семье Сахтеровых в 1833 году было 12 взрослых работников и 3 полуработника*).

---

*) Исповедная роспись поименно перечисляет состав этой семьи в 1833 г, цифры отмечают возраст:

„Иван Никитин	53 лет.
Жена его Елена Степанова	53 „
У них дети Николай	34 „
Никифор	26 „
Евдоким	23 „
Федор	21 „
Сергей	19 „
Севастьян	13 „
У Николая жена Степанида Андреевна	34 „
У них дети Денис	9 „
Ульяна	13 „
Степанида	11 „
Афанасий	2 „
У Никифора жена Васса Гавриловна	26 „
У них дети Давид	10 „
Михаил	6 „
Григорий	2 „
Матвей	1 „
У Евдокима жена Евдокия Ивановна	23 „
У них дочь Евдокия	2 „

см. стр 76.

В те отдаленные времена, когда работала эта большая семья, людская сила была первенствующим фактором в росте земледелия нашего края и по всей вероятности мощно-развитая семья сумела упрочить свое экономическое положение, создав большое хозяйство. Более прочное хозяйственное положение семьи и послужило б. м. толчком к стремительному разбуханию отдельных ее клеток. В следующих десятилетиях на генеалогической таблице мы видим пышное развитие каждого звена семьи. Потомство всех перечисленных сыновей Ивана Сахтерова широко раскидывает ветви своего рода и все они имеют и хозяйственное наследие в лице целого ряда крестьянских дворов Ивановки. В 1923 году 24 двора Сахтеровых, прямых потомков Ивана, с общим числом населения в 158 человек, составляют $18{,}_5\%$ всего населения Ивановки; тогда как в 1833 году большая семья Сахтеровых составляла всего $2{,}_8\%$ к числу всех жителей села. Большинство современных дворов фамилии Сахтеровых хозяйственно устойчивы, жизненны; отдельные хозяйства являются сильными. Из 24 дворов—13 остаются в общине, 7 дворов в артели «Турпей», 2 двора в товариществе «Шурум-Пусь» и 2 двора в Ново-Оренбургско-Никольском поселке. По составу семьи такие данные

с числом душ:	2	3	4	5	6	7	8	9	11	17
число дворов:	2	1	4	5	2	2	2	2	3	1

Таблица № 2. Генеалогические сведения о семье Жеребкиных частью даны при описании их хозяйства. В начале XIX столетия четыре брата образовали новые хозяйства, но в настоящее время имеется потомство лишь двух младших братьев Петра и Кондратия. Внуки последнего Михаил и Иван Алексеевичи имеют крепкие хозяйства.

Все хозяйства Жеребкиных, имеющиеся в Ивановке к 1923 г., скотом обеспечены. По составу семьи

1 семья имеет . . . . 9 чел.
1 » » . . . . 8 »
2 » » . . . . 6 »
1 » » . . . . 3 »

Таблица № 3. Родоначальником Яшкиных является Яштак, у которого в 1794 году рождается сын Ефим. От последнего род Яшкиных делится пополам на ветви Ермолая и Дементия. Внуки этих лиц, Егор Павлович и Василий Дмитриевич, являются в настоящее время

У Федора жена Татьяна Григорьевна . . . . . 21 „
У них сын Алексей . . . . 3 „
У Сергея жена Фекла Алексеевна . . . . . 19 „
У них дочь Анисья . . . . 2 „

Из перечисленных лиц Сергей Сахтеров и Давид Сахтеров присутствовали при прочтении уставной грамоты в 1864 году.

домохозяевами, имея полные семьи с большим преобладанием мужчин в младшем поколении. Оба двора имеют по 5-ти работоспособных сыновей.

Семья Василия Дмитр. состоит из 17 чел. (1923 г.)
» Егора Павловича » » 13 »

Упоминалось, что первая семья разделилась в 1924 году на четыре двора.

Таблица № 4. Семья Аркадьевых ни в одном поколении не имела мощного развития. К настоящему времени потомства по мужской линии нет, двор исчез.

Таких исчезающих фамилий в Ивановке на протяжении 130 лет наблюдается довольно большое число.

Вымирание по мужской линии крестьянской фамилии совпадает с исчезновением крестьянского двора и хозяйства. Несомненно, что могут быть случаи ухода домохозяев для работы на завод, или в город и тогда исчезновение фамилии об'ясняется экономической деградацией хозяйственной единицы.

Так или иначе, на ряду с развитием одних фамилий и хозяйств, мы имеем факты исчезновения других.

Дальше будет описан, на основании очень отрывочных и недостаточных сведений, исчезнувший двор Юркушихи.

Исчезнувший двор Юркушихи. До нынешнего 1925 года в Ивановке уцелела курная изба. Она заперта на замок, т. к. хозяйка ее, Юркушиха, прошлой осенью умерла. Снаружи мазанка Юркушихи ничем не отличается от многих деревенских избушек. Маленькие два оконца глядят в проулок, вход с боку в дверь прямо с огорода, в котором тыквы раскинули свои сочные плети. Не обратишь сразу внимание на то, что эта изба без трубы. Смолистый запах от толстой соломенной крыши заставляет узнать курную избу. Внутри закопченый потолок покрыт толстым слоем блестящей черной смолы, продуктом сухой перегонки топлива; местами на потолке видны патеки этой смолы. Печь занимает треть небольшой лачужки, она очень низкая и без трубы. Дым, выходивший при топке из чела печки, поднимаясь к потолку, должен был покидать избу через дверь.

В сенях целый большой угол завален запасом топлива, это главным образом сухой конский и коровий помет, который изо-дня в день в сухую летнюю погоду собирался бывшей хозяйкой на улицах села. Среди этой кучи попадаются сухие стебли подсолнуха, кора деревьев и другие сгораемые предметы.

Внутри избы почти полностью сохранилось бедное ее убранство.

У стены на штабеля кизяков опираются доски—примитивная кровать, на этих досках чернеют капли смолы. На земляном полу возле печки валяется старый топор. С потолка над печкой свешивается железный особой формы крючок с зарубками для подвешивания котелка над очагом. На полке запыленные ложки, скалка, веселка, на подокон-

пике лежит кисст вместе со старым обломком трубки, даже части национального костюма, ввиде отдельных украшений, уцелели в пыли на окне. Маленький столик довершает убранство избушки, божницы над столом нет, но старая совершенно вытертая и почерневшая от дыма дощечка иконы висит в углу.

Хозяйка курной избы Прасковья, по прозванию Юркушиха, была известна в своем селе и в соседних чувашских даже отдаленных селах. Это была ворожейка, настоящая опытная ёмзя, которая пользовалась громадным доверием и славой среди чуваш.

У Юркушихи была когда то семья, была она женой крестьянина села Ивановки и матерью шестерых детей, умерших в младенчестве. Рассказывают, что Прасковья в молодости была красавицей. Черные глаза и волосы, румяное красивое лицо и крепкое сложение—выделяли ее из многих. Родиной ее было старое чувашское село, расположенное среди лесов Самарской Луки.

Бедный убогий быт сопровождал Прасковью на протяжении всей ее жизни. Муж пил, пила и она и все заработки уходили на вино. Было и хозяйство, но бедное потребительское хозяйство. Одна лошаденка, да и та едва волочила ноги. Хозяин большею частью занимался охотой и рыбной ловлей. Муж Прасковьи, по прозванию Юркуша, был исполинского сложения. Про его силу рассказывают, что однажды, когда лошаденка его в бороне остановилась, он выпряг ее и окончил бороньбу на себе. Но в поле работал мало, предпочитал ставить капканы для ловли волков. И здесь легендарный рассказ: волк однажды утащил капкан, который якорем зацепился за дерево. Волк обломал все зубы, перегрызая железную цепь. Юркуша нашел волка, два раза сильно ударил его по голове дубиной, тот упал; но когда Юркуша стал брать волка, тот очнулся, набросился на охотника и начал сжимать лишонными зубов челюстями грудь и шею упавшего Юркуши. На крик подспели крестьяне и убили волка.

Юркуша кроме привязанности к вину, охоте и рыболовству имел еще отличительное свойство: «дурной глаз». Крестьяне рассказывают, что достаточно было ему посмотреть на дерево и оно на другой год засыхало. Худое влияние его «глаза» распространялось и на людей. Но за то Прасковья обладала противоположным свойством, вернее искусством—ворожбой. Возможно, что сначала к ней обращались с просьбой, чтобы она умилостивляла злое действие «глаза» своего мужа, после же его смерти, предоставленная самой себе без всяких средств к существованию, она постепенно стала настоящей ёмзей. Усваивая все знания все приемы ворожейки, Прасковья с каждым годом приобретала себе все большую славу. Занятие это было доходно, но прибыль целиком уходила на вино. Наступил голодный 1921 год; несмотря на свою старость, Юркушиха пережила его сравнительно легко, т. к. за свой труд она получала натурой и зарабатывала не плохо.

Умерла Юркушиха осенью 1924 года.

Целую неделю ее мучил сильный жар, ухаживать за ней во время болезни приходила пожилая, полуслепая односельчанка, оставшаяся в девицах. Ей принадлежит теперь изба Юркушихи. Скороговоркой, коверкая русские слова, охотно рассказывает она несложную повесть о том, как жила и как умерла хозяйка курной избы.

Изба Юркушихи доживает последние дни, вряд ли кто будет жить теперь в этой убогой мазанке; однако она заперта на замок, следовательно представляет из себя некоторую ценность.

Нет... курная изба отжила свой век. Ивановке пора зажить новой жизнью, без трахомы, без слепых, без той бедности, которая показывает непривлекательные ребра старого убогого быта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Медленно развивалась Ивановка.

На ряду с периодами постепенного роста производительных сил села на протяжении десятилетий мы наблюдали моменты регрессивных изменений, годы катастроф. Но эти временные изменения не затушевывают происходившего глубокого расслоения хозяйств по их производственному значению; экономическая дифференциация крестьянских хозяйств создается в результате воздействия на них факторов аграрного, социально-экономического и бытового порядка. Причины расслоения кроются в том, что значительное число крестьянских дворов Ивановки стимулом своей хозяйственной деятельности имеют «запросы потребления», самые ничтожные требования полуголодной деревенской жизни. Одновременно в Ивановке есть некоторое число крестьян с приобретательским интересом собственника и владельца товара, что гонит хозяйство такого крестьянина вверх, заставляет его закрепить за собой прочную и достаточную территорию для хозяйства, заарендовать при возможности землю и увеличить посевы и скотовладение.

И в наших природных условиях абсолютно необходим значительный слой хозяйств, имеющих избытки производства по сравнению с собственным потреблением. Такие товарные хозяйства являются действительно устойчивыми и способными, путем введения многих агрикультурных улучшений, поднять общий уровень производительных сил края.

Земледельческому прогрессу, как мы видели, способствует нарождающаяся поселковая форма землепользования, причем здесь намечаются отдельные моменты артельного начала и обобществления труда. Под'ем культурного уровня в этих гнездах нового быта будет содействовать выработке новых хозяйственных привычек, приведет к действительному переустройству современной деревни.

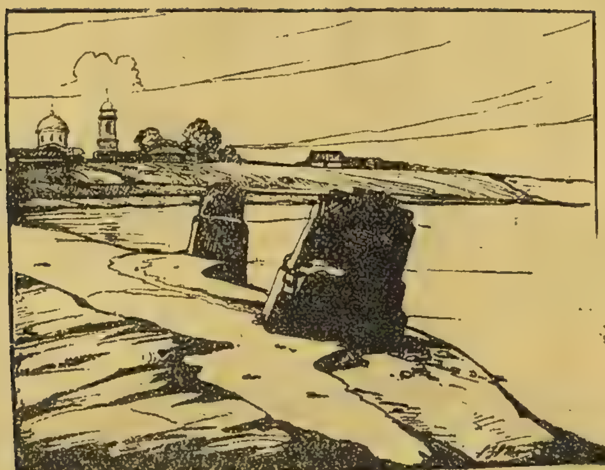
В тоже время в Ивановке прочно держится старый быт, еще крепки общинные традиции. Социальное тело общины, как мы видели, слишком инертно, чтобы преодолеть препятствия, стоящие на пути к культурному и хозяйственному росту. Общину плотно смыкает кольцо аграрного перенаселения в данном районе, от возможности улучшить свой быт отделяет общину рассовая замкнутость, обособленность чуваш от окрестного населения и недостаточно высокий уровень их собственной материальной культуры. Надо всетаки думать, что пронесшийся революционный вихрь не прошел бесследно мимо вялых апатичных дум земледельца общинника. Однако пока, в результате бытовой отсталости, мы в Ивановке наблюдаем самый острый факт деревенской действительности—бедность деревни. Поистине трагично положение ослабленных крестьянских хозяйств, не успевающих в нашей губернии оправиться от голодовок даже в урожайные годы. Пестрая картина урожайности, низкие средние цифры обусловлены именно тем, что обедневшие крестьяне без хороших семян, без орудий обработки пара, без рядовых сеялок на отдаленных полях работают как придется, часто запаздывают с обработкой полей, вследствие острого недостатка в упряжной силе. И на засоренных выпаханных полях даже в урожайные годы продолжают получать ничтожные сборы.

Вот почему в первый засушливый год над деревней повиснет опять призрак голода. Надо собрать весь опыт агрономических наблюдений, весь опыт и знания самих крестьян, чтобы поднять производительные силы деревни, иначе природа будет требовать все новых и новых жертв.

Несколько заключительных слов о быте вообще, вернее о сущности бытовых явлений. Изложенный материал позволяет понять быт и бытовые явления, как совокупность предметов и действий, основанных на традиции и привычках. Бытовые явления приходится поставить в связь с сложной системой эмоций, сокращенных, сжатых в психике человека их повторностью, поэтому то быт захватывает в свою сферу неопределенно широкую среду—язык, мировоззрение, хозяйственное и иное творчество.

Для изучения быта деревни надо иметь возможность наблюдать его вплотную изо-дня в день. К большому сожалению автора подобные наблюдения в настоящей работе не выполнены. А между тем проблемы быта остро поставлены самой жизнью. Работникам на местах и надо в первую очередь заняться изучением современного состояния производительных сил деревни, изучением современного быта. Громадная нетронутая область ждет ярких лучей научной мысли.

Приложения.

Из церковной летописи с. Ивановки.

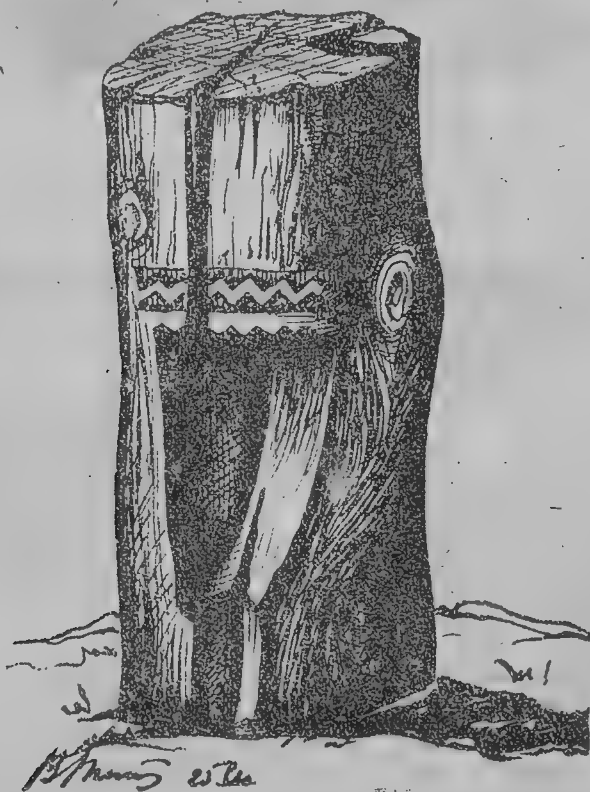
История крещения ивановских чуваш описана в церковной летописи священником Антонием Ивановым: «До 1830 года чуваши Ивановки оставались язычниками. В 1830—31 годах они были принудительно крещены Филаретом Архиепископом Казанским. В Ивановке крещение совершено в январе 1830 года, когда крещено 137 душ обоего пола, и 3 июня того же года крещено 350 душ. Для совершения таинства крещения над чувашами была привезена Ставропольская походная церковь и где стояла походная церковь, там впоследствии были поставлены каменные памятники: два около речки Безенчука, а один на горе недалеко от селения. Крещение чуваш и литургия были совершены с торжественностью. Устроенные крещальни для мужского и женского пола поставлены были отдельно; тесовые половицы в них положены были на твердых брусьях, так что каждому крещающемуся или крещающейся удобно было спуститься в воду в квадратный промежуток, а крестившему священнику, стоя на половицах, погружать крещающегося рукою троекратно. После совершения таинства крещения было совершено в походной церкви над новокрещенными таинство брака; женившимся в язычестве предложено было наперед по обоюдному согласию избрать на всю остальную жизнь любую из прежних взятых в язычестве жен».

Описывая в 1899 году языческие обычаи чуваш, сохранившиеся со времени крещения, священник Иванов удивляется тому, что несмотря на прошедшие с того момента 70 лет—«среди чуваш и теперь (1899) в распространении те языческие верования, обычаи и обряды, которых они держались до крещения. Прежде всего к таким обычаям нужно отнести обычай красть невест, сильно распространенный

среди здешних чуваш. Этот обычай особенно распространен среди бедняков и весьма вредно влияет на нравственную жизнь их, т. к. позволяет им жениться несколько раз и жить вне законного брака. Обычай этот для чуваш представляется удобным в том отношении, что при формальных сватовствах женихам приходится платить за невесту родителям или родственникам ее выкуп, а при названном обычае жених добывает себе невесту бесплатно, хотя после, по соглашению с родственниками невесты, он уплачивает ту или другую сумму денег».

В том же 1899 году священник рассказывает о поминовении умерших:

«Чуваши хоронят своих умерших по христианскому обычаю с соблюдением языческих традиций, а поминовение их совершают по язычески. Общественные поминовения бывают в четверг перед Троицей. Вот как чуваши Ивановки совершали в 1899 году обряд поминовения усопших на кладбище. В четверг перед Троицей около обеда заметно было какое то оживление среди чуваш. Затем все чуваши на подводах направились на кладбище, а некоторые пошли пешком. Там около каждой могилы сидели старики и старухи и молодые, ели, пили и вели какую-то оживленную беседу. Само кладбище представляет не христианское, а скорее языческое кладбище: вместо крестов на могилах стоят толстые столбы, на которых сделано изображение крестов и продолговатые желобины от изображения креста до самой

могилы; везде валяются обломки горшков, чашек и ложек, свидетельствующие о совершонном на кладбище поминовении усопших по языческому обычаю; на двух могилах устроены из досок вроде сараев и без крестов. При этом, пишет Иванов, мне невольно припомнилось описание о чувашских кладбищах неизвестного автора сочинения о чувашах прошлого столетия (1770 г.) и я (Иванов) был поражен, когда увидел сходство этого описания с действительностью. Поминали они также: от каждого кушанья отделяли часть покойникам и бросали на могилу, в желобины

намогильных столбов вливали пиво и вино, думая, что они этим угощают покойников; по окончании обряда поминовения, окружив могилы и упав на землю, плакали, или вернее выли какими то дикими голосами, прося умерших принять от них жертву и не беспокоить их».

«Осеннее богомолье называемое «Сюрда» начинается с четверга перед Дмитриевской субботой и оканчивается рано утром в воскресенье. Нужно заметить, что в это время не все чуваши совершают обряд, а только те, у которых есть покойник, умерший в течение истекшего года. Это уже не поминовение усопших, а веселый пир. К этому времени чуваши варят пиво, режут скотину, пекут блины, покупают водки и вообще готовятся к торжественному празднику. В субботу утром в доме умершего собираются все его родственники и несут разные кушанья, а также пиво и вино. Около обеда все они отправляются на кладбище—кто на подводах, кто верхом и, здесь совершив поминовение, возвращаются домой очень шибко, думая что этим они катают покойника. Затем всю ночь по воскресенье продолжаются на дому поминки умершего со всеми бесчинствами. Здесь и пьянство и объедение, пенье и пляска продолжаются всю ночь. Около двери ставится большой стол, а на столе помещается большая деревянная чашка, а кругом ее разные кушанья, принесенные родственниками умершего. Затем самый старший в доме отделяет от каждого кушанья часть в большую деревянную чашку, говоря: «Умыпта пултыр»—пусть будет перед тобой. За ним подходят все остальные и делают тоже самое. Когда все окончат поминать покойника, начинается пир: едят, пьют пиво и вино, при этом поют песни, музыканты играют. Для музыканта все присутствующие на поминках кладут денег в особую чашку.

На другой день на рассвете все выходят из дома с песнями и плясками провожать покойника на могилу. Выйдя из селения начинают опять плясать, пить вино и угощаться; затем бросают остатки кушанья, катают лепешки и возвращаются домой».

Священнику А. Иванову пришлось быть свидетелем языческого кровавого жертвоприношения 20 июня 1899 года (подобное жертвоприношение совершалось во время засухи 1921 года. А. Г.)

«В этот день, рассказывает А. Иванов, после обеда ивановские чуваши отправились в keremetь для совершения языческого жертвоприношения. Там уже висели котлы, довольно внушительных размеров, на козлах, в них варились баранина и каша; кругом котлов стояли старухи и подкладывали дрова; недалеко от них лежало несколько караваев печеного хлеба и лепешки. Один чувашении старик убирал остатки баранины, часть откладывал в чашку, а часть бросал собакам, которые прибегали, с визгом хватали куски баранины и удаляясь лакомились свежим мясом. На телегах были развешаны шкуры зарезанных баранов. Затем, когда баранина сварилась, то старики и старухи взяли в руки чашки с бараниной, стали все в ряд и обратились лицом к востоку и начали все вместе молиться; при этом никто из них не крестился. В словах молитвы говорилось: боже, да падает мимопроходящий дождь, да родится от одного зерна тысячи зерен. Сбереги хлеб наш от насекомых, от вечернего зноя, от дневного жара, молились о том, чтобы господь дал им богатство, повелел им собрать целый мешок золота, повелел хорошо наряжаться и т. д. По окончании молитвы все вместе сделали земной поклон и, говоря те же слова, молились на коленях, потом вставши все начали есть».

Священником А. Ивановым записана в 1899 году ответы чуваш, на его уговоры бросить чувашскую веру (свящ. Иванов грозил судом божиим за совершение языческих обрядов): «не ты будешь за нас страдать, веру свою не бросим, говорили чуваши: наши деды и отцы жили по этой вере и нам завещали строго содержать ее: на земле 77 вер, 77 языков, 77 народов, 77 деревьев, 77 трав и никто не должен веру свою изменять; как березу нельзя сделать липой, как свинью нельзя

обратить в овцу, так и нас чуваш не сделают русскими... когда наши деды и отцы жили по своей вере, они ни в чем не нуждались, у них всего было довольно, а как наши дети стали оставлять чувашскую веру и жить по русски—то господь на нас прогневался и наказывает нас неурожаями хлеба, то другими бедствиями.

Бывало мы молились всей деревней, смотреть на наше моленье приезжали разные чиновники, разные русские люди, ели и пили вместе с нами, даже нашу веру хвалили. Теперь же не то, молодежь не слушается стариков, начинают по новой вере жить, поэтому многие и голодают».

Частные моленья домашние и семейные описаны в церковной летописи Ивановым так: «молятся чуваши Ивановки перед началом и после пашни, во время семейных бедствий и в других случаях. В день выезда на пашню моленье состоит в том, что сварив целый котел каши ставят ее на стол и молятся перед ней так: боже, вот мы предпринимаем пашню и посев хлеба. Дай резцам и сошникам силу и крепость, шесть меринов были бы в плуге, три кобылы в бороне и три жеребенка бежали бы за ними. Посеянный хлеб да будет густ, ствол да будет как камыш, зерно как горох, от каждого посеянного зерна сподоби получить тысячу зерен. Затем каша с'едается вся. По выезде в поле самый старый в доме берет в подол 3 яйца, обращается лицом к востоку и, помолившись богу, бросает эти яйца на восток, после чего начинает сеять хлеб, яйца же или с'едаются, или зарываются в землю. Подобные же моленья бывают и по окончании пашни. Кашей моляться чуваши и при выгоне скота в поле. То же при основании домов и при других случаях. При лечении от болезней у чуваш существуют заговоры и заклинания. Наговор совершает ёмзя. Содержание наговора крайне бессмысленно и фантастично. Упоминается какой то старик, пришедший из-за Волги, из-за моря, упоминаются различные местности, кереметь, числа, особенно семьдесят семь, золотой столб, дым и пр.

Кроме бога, пребывающего на небе и управляющего миром, чуваши признают существование множества духов добрых и злых, обитающих на земле в различных местах. К этим духам чуваши обращаются с просьбой о даровании мирских благ, здоровья, приносят им жертвы. К таким духам принадлежат: кереметь, тюрькиль, хврт-сорт, пилюхси, ирих, ие, албастра, вубыр. О «кереметн» чуваши имеют самое неясное понятие, некоторые кереметь считают местом жертвоприношения. В кереметн с. Ивановки есть лачужка из плетня. Тюркиль—это злейший дух, хорт-сорт—каратель домашнего скота, ие-домовой, действиями его чуваши считают простуды от воды и сырого воздуха, горячки, лихорадки и апоплексический удар. Албастра есть, по мнению чуваш, такой злой дух, который прикачивается к женщинам, лишившимся по какому либо случаю своих любимых мужей, родителей или детей и тоскующим о них. Вубыр—колдун, ведьма, баба-яга. Ирих—дух наказывающий людей наружными болезнями, напр. дурные угри, нарывы, слепота и пр. Кого посетит такая болезнь, тот должен, по совету ёмзи для умилостивления Ириха принести последнему жертву. Ирих имеет даже изображение. Он изображается на подобие куклы из дерева, железа и олова и хранится в кузовьях и кадочках в амбарах». В 1899 г., когда священник А. Иванов писал в церковной летописи свои этнографические заметки, Ирих имелся в очень редких домах.

Отрывки из той же церковной летописи.

Книга № 140 данная Благочинным Самарского уезда села Новых Костычей, Священником Василием Архангельским священно-церковно-служителям села Ивановки, для ведения церковно приходской летописи апреля 25 дня 1868 года.....

1868 г.

Прихожане, как чуваши так и русские, к церкви божией холодны и не усердны, чуваши по малому пониманию русского языка, русские по наклонности к расколу; молебнов и поминовений о усобших ни в церкви ни в домах не служат. Грамотность в неудовлетворительном состоянии. Суеверий и предразсудков, особенно у чуваш, не мало. Прихожане преимущественно занимаются земледелием, частью рыбной ловлей и извозом. От продолжительного неурожая хлеба некоторые из крестьян, особенно из чуваш, пришли в крайнюю бедность.

1869 г.

Из прихожан с. Ивановки, из чуваш в церкви во время великого поста никто не был, к богослужению никогда не ходят, кроме благовещения.

Мужское училище открыто бывшим священником с. Ивановки, Петром Кандалинским в 1856 году. Первоначально помещалось в священническом доме, а ныне (1868 г.) помещается в крестьянской избе в деревне Григорьевке, содержится на счет общества; обучавшихся мальчиков чтению, письму, счетам и закону божию очень немного. Ныне в 1869 г. на лицо в училище ходят около 10 человек.

Во время зимы 1869 г. появились крысы и мыши и поедали на гумнах немолоченный хлеб.

1870 г.

В апреле в первых числах открылись полевые работы. По случаю благоприятной весны всходы ярового хлеба были хорошие, но по причине жаров и горячего ветра частью погорели и высохли.

Сельское училище по нежеланию чуваш закрыто.

1871 г.

Зима была покойная, весна ранняя, разлив воды средний, урожай хлеба был скудный. Из чуваш у исповеди никто не был.

1872 г.

.... Жители Ивановки к храму божию нерасположены и холодны, исправляют свои идолопоклонческие обычаи, расположены к пьянству и воровству и гнусным порокам, ленивы, хитры и лукавы.

1873 и 74 годы.

Эти годы были голодные, крестьяне ели и желуди с лебедой, или с мякиной, с примесью конечно немного ржаной муки. С января мес. 1874 г. оказано благотворительное вспомоществование на голодающих из разных городов и сел Российской Империи

1875 г.

Год был урожайный, так сотельная десятина давала хлеба от 150—100 пуд.

1876 г.

17—31 августа стояли ужасные жары, таких жаров старожилы никогда не помнят, да вероятно в эти числа таких жаров никогда и не было. 1876 г. был почти что неурожайный, так что сотельная десятина давала ржаного хлеба от 18—24 пуд.

1877 г.

Год был урожайный, десятина сотельная давала умолота на 150 пудов и более. но только хлеб не успели обмолотить в свое время за частыми и сильными дождями. Хотя после его и обмолотили но хлеб почти что весь сырой.

1881 г.

Год был урожайный, особенно хороший урожай был на рожь, но к несчастию многие из крестьян не успели убрать ее по причине слишком знойной погоды и сильных ветров. По отзывам крестьян десятина ржи давала от 70—150 пуд. Десятина пшеницы от 30—100 пуд. и более. Экономическое положение крестьян 1881 г. улучшил, но не вполне. Многие уже и теперь питаются покупным хлебом. Это об'ясняется тем, что они прежними неурожайными годами втянуты в значительные долги, как хлебом, так и деньгами. Получивши жито с полей довольно значительное, они должны немедленно продавать его, чтобы расплатиться с податьми, уплатить денежные и хлебные долги и др. повинности. Значительная смертность была между младенцами, а именно: взрослых умерло 26, а младенцев 73. (цифры относятся не к одной Ивановке, а ко всему приходу А. Г.).

1882 г.

В местности прихода с. Ивановки всходы хлеба были весьма удовлетворительные, но к сожалению были попорчены сильным градом, двухкратно падавшим в июне. Несмотря на то крестьяне остаются довольны собранным житом и после этого несчастья. По их словам 1882 год в совокупности с предшествовавшим урожайным годом значительно улучшили экономическое положение крестьян; смущает их только сильная засуха, продолжавшаяся все лето 1882 года, отчего посев ржи остался незасеянным. Цена на хлеб вскоре по уборке хлеба была низкая, именно: цена ржи от 45—50 к. а пшеницы от 50—70 коп. В декабре месяце цены на хлеб значительно возвысились.

1883 г.

Год был урожайный, яровой хлеб крестьяне собрали в большом количестве, от 80—150 пудов с десятины; ржаной хлеб сеяли очень немногие.

1884 г.

Вследствие падежа из 430 гол. рог. скота в с. Ивановке осталось 107 гол. В половине мая пожаром истреблено 7 домов самых бедных прихожан в с. Ивановке.

1885 г.

Урожай яровых хлебов в 1885 г. был незавидный, он не улучшил хозяйственное положение крестьян прихода села Ивановки. Напротив, если бы не высокие цены на яровой хлеб, то многие из прихожан потерпели бы значительные убытки в хозяйственном отношении, в настоящее время многие покупают хлеб для пропитания своего семейства. В селе Ивановке крестьяне много потерпели от падежа рогатого скота. Эта болезнь рогатого скота, несмотря на все предпринятые меры и врачебную помощь со стороны ветеринарных врачей—разорила много крестьянских хозяйств в селе Ивановке.

1886 г.

Урожай как ярового так и ржаного хлеба был вполне удовлетворительный, но постоянная дождливая погода задержала надлежащую своевременную уборку хлеба и испортила оный. У некоторых особенно бедных крестьян хлеб не молочен и в настоящее время. У зажиточных крестьян, благодаря молотильным машинам, хлеб измолочен. Цена на хлеб низкая и потому хозяйственное положение прихожан сравнительно с прошедшим 1885 годом не улучшилось.

1887 г.

Пьянство, воровство и др. серьезные пороки все те же. Причина заключается в том, что прихожане, несмотря на убеждение власти, не заботятся об открытии какой бы то ни было школы.

1888 г.

Хозяйственное положение прихожан этот год не только не улучшил, но для незажиточных крестьян оказался тяжелым годом. Хороший урожай ярового хлеба был только у меньшинства крестьян, а именно у тех, которые имели средства арендовать землю долголежавшую (залежь), конечно по высоким ценам, а на мягкой земле урожай хлеба был менее чем посредственный. Урожая на рожь почти не было. Поэтому большая часть крестьян прихода села Ивановки или покупают хлеб, или побираются, а иные берут в долг хлеб по баснословно высоким ценам. Вообще, хозяйственное положение прихожан в 1888 г. не удовлетворительно.

1889 г.

Между прихожанами из чуваш стало в значительной мере проявляться усердие к храму божию, среди молящихся в настоящее время заметно из них не малое количество. Как на особое проявление религиозного движения среди прихожан из чуваш, можно отметить, что некоторые из них в 1889 году предпринимали путешествие по святым местам.

В Ивановской земско-общественной школе*) число учащихся колеблется между 30—35 мальчиками. Из них 7 мальчиков из чуваш.

---

*) Школа открыта в 1888 г. (А. Г.).

1892 г.

С 9 июля до конца месяца продолжались сильные и знойные ветры. Жары в это время доходили до 40° по Реомюру. Во время помянутых удушливых ветров в приходе и окрестных селах началась холерная эпидемия. Началась она заболеванием и смертью женщины из пригородной деревни Липягов, пришедшей в село Ивановку навестить своих родственников. Вслед за этим случаем в ивановском приходе начались систематические заболевания холерою, в большинстве случаев имевшее смертельный исход. С 8 июля по 1 августа в Ивановке умерло от холеры мужского и женского пола 41 человек, а за всю эпидемию 67 человек. В конце августа эпидемия заметно начала ослабевать и хотя заболевания случались не редко, но благодаря принятым мерам и навыку самих крестьян обращаться с заболевшими, она не могла иметь той силы, какая обнаружилась в период развития болезни.

Летопись за 1893 г. неизвестно почему никем не была писана.

1894 г.

Марта 2 дня в село Нижнюю Ивановку поступил священником Ник. Панормов, еще ребенком он был привезен в село Ниж. Ивановку и до десятилетнего возраста проживал в доме отца своего, состоявшего на должности диякона, здесь он изучил чувашский язык.

Прихожане из чуваш придерживаются языческих обрядов, ходят в священную рощу, называемую кереметью, где приносят кровавую жертву Йриху. Многие сожительствуют в безбрачности, жизнь ведут нетрезвую, у исповеди бывают не многие.

1895 г.

Урожай хлеба в 1895 г. был удовлетворительный. Рожь продавалась крестьянами по 35, 38 и 40 копеек. Пшеницу по 55—60 к. Так что особенных нужд прихожане не имели.

1896 г.

Урожай был удовлетворительный, но цены на хлеб весьма низкие. Рожь продавалась крестьянами по 23 и 25 копеек, а пшеница 40, 45 и 50 к. Благодаря такой цене многие из крестьян должны были продать почти весь хлеб, чтобы удовлетворить свои нужды. Корма для скота в 1896 г. было весьма много. Воз сена продавался по 70—80 копеек, что бывает очень редко.

1897 г.

В экономическом отношении 1897 год был гораздо выгоднее для крестьян, чем предыдущий год, хотя урожай хлеба и сена был такой же, но цены на хлеб были вдвое выше. Пуд муки в 1896 г. стоил 25 коп., а теперь он продается по 50 коп.; пшеница прежде продавалась по 45 коп., а теперь она продается по 90 коп. Благодаря таким высоким ценам на хлеб многие крестьяне поправились в хозяйственном отношении.

1909 г.

Урожай хлебов и трав был... На слове «был» в 1909 году церковная летопись села Ивановки оканчивается. И в следующие годы никаких записей сделано не было.

Родословные таблицы крестьянских семейств с. Ивановки.

№ 1. Фамилия Сахтеровых.

I поколение.

1. Иван . . . род. 1780 г.

II поколение.

2. Николай . . род. 1799 г. (1).
3. Никифор . . » 1807 г. (1).
4. Евдоким . . » 1810 г. (1).
5. Федор . . . род. 1812 г. (1).
6. Сергей . . . » 1814 г. (1).
7. Севастьян . » 1820 г. (1).

III поколение.

8. Денис . . . род. 1824 г. (2).
9. Василий . . » 1847 г. (2).
10. Даниил . . » 1857 г. (2).
11. Давыд . . . » 1823 г. (3).
12. Михаил . . » 1830 г. (3).
13. Григорий . . » 1831 г. (3).
14. Петр . . . » 18 ? г. (3).
15. Алексей . . » 1830 г. (5).
16. Тимофей . . род. 1836 г. (5).
17. Павел . . . » 1856 г. (6).
18. Меркурий . » 1852 г. (6).
19. Матвей . . » 1856 г. (6).
20. Алексей . . » 1851 г. (7).
21. Архип . . . » 1856 г. (7).
22. Даниил . . . » — г. (7).

IV поколение.

23. Козьма . . . род. 1846 г. (8).
24. Никифор . . » 1858 г. (8).
   Васса . . . » 1866 г. (8).
   Евдокия . . » 1868 г. (8).
   Мария . . . » 1870 г. (9).
25. Терентий . . » 1879 г. (10).
26. Иван . . . . » 1883 г. (10).
27. Никифор . . » 1884 г. (11).
28. Сидор . . . » 1850 г. (11).
29. Анисим . . . » ? г. (11).
30. Михаил . . . » 1866 г. (12).
31. Иван . . . . » 1859 г. (12).
32. Андрей . . . » 1848 г. (12).
   Анна . . . . » 1856 г. (12).
33. Антон . . . » 1854 г. (13).
   Анна . . . . » 1864 г. (13).
34. Андрей . . . » 1871 г. (13).
35. Федор . . . » 1867 г. (13).
36. Григорий . . » 1886 г. (14).
   (приемный сын).
   Агапия . . . » 1856 г. (16).
37. Роман . . . род. 1873 г. (16)
38. Николай . . » 1877 г. (16).
39. Алексей . . » 1885 г. (17).
40. Григорий . . » 1879 г. (18).
41. Алексей . . » 1883 г. (18).
   Елена . . . » 1866 г. (18).
42. Иван . . . » 1889 г. (18).
   Пелагея . . » 1879 г. (19).
   Ирина . . . » 1884 г. (19).
   Анна . . . » 1886 г. (19).
43. Козьма . . . » 1889 г. (19).
   Вера . . . » 1899 г. (19).
44. Николай . . » 1872 г. (21).
45. Иван . . . » 1886 г. (21).
46. Александр . » 1890 г. (21).
   Дарья . . . » 1869 г. (22).
47. Василий . . » 1885 г. (20).
48. Степан . . . » 1882 г. (20).
49. Николай . . » 1871 г. (20).
   Дарья . . . » 1877 г. (20).

V поколение.

50. Иван . . . . род. 1882 г. (24).
51. Іосиф . . . » 1898 г. (25).
52. Филипп . . » 1900 г. (25).
Мария . . . » 1903 г. (25).
53. Александр . » 1904 г. (25).
54. Семен . . . » 1910 г. (25).
Анна . . . » 1912 г. (25).
55. Егор . . . . » 1909 г. (26).
56. Семен . . . » 1913 г. (26).
Елена . . . » 1870 г. (27).
57. Петр . . . » 1871 г. (27).
58. Александр . . » 1871 г. (27).
59. Алексей . . » 1874 г. (27).
60. Исак 1-й . . » 1878 г. (27).
61. Исак 2-й . . » 1879 г. (27).
62. Даниил . . . » 1890 г. (27).
Наталия . . » 1879 г. (28).
63. Самсон . . . » 1883 г. (28).
Матрена . . » 1889 г. (28).
64. Павел . . . » 1892 г. (28).
Вера . . . . » 1902 г. (27).
65. Пимен . . . » 1886 г. (28).
66. Андрей . . . » 1887 г. (29).
67. Анисим . . . » 1899 г. (29).
Евдокия . . » 1897 г. (29).
Анна . . . » 1901 г. (29).
Прасковья . . » 1905 г. (29).
68. Иван . . . . » 1906 г. (29).
69. Василий . . » 1910 г. (29).
70. Петр . . . . » 1890 г. (30).
71. Петр . . . . » 1880 г. (31).
72. Лаврентий . » 1887 г. (31).
73. Андрей . . . » 1888 г. (31).
74. Алексей . . » 1892 г. (31).
75. Емельян . . » 1901 г. (31).
Матрена . . » 1889 г. (31).
76. Аким . . . » 1871 г. (32).
Матрена . . » 1877 г. (32).
77. Сергей . . . . » 1868 г. (32).
78. Николай . . род. 1874 г. (32).
79. Александр . . » 1873 г. (33).
Агрипина . . » 1879 г. (33).
80. Прокопий . . » 1888 г. (33).
81. Сергей . . . » 1894 г. (33).
82. Михаил . . . » 1893 г.
83. Карп . . . . » 1896 г.
Татьяна . . » 1888 г. (34).
84. Дмитрий . . » 1879 г. (35).
85. Яков . . . . » 1888 г. (35).
Прасковья . . » 1901 г. (35).
Евдокия . . » 1895 г. (35).
Елизавета . . » 1899 г. (35).
86. Семен . . . » 1891 г. (36).
87. Иван . . . . » 1904 г. (36).
Мария . . . » 1908 г. (36).
88. Филипп . . » 1892 г. (37).
89. Иван . . . » 1897 г. (37).
90. Степан . . . » 1899 г. (37).
91. Спиридон . . » 1900 г. (37).
Ольга . . . » 1902 г. (37).
Дарья . . . » 1909 г. (37).
92. Степан . . . » 1898 г. (38).
Татьяна . . » 1907 г. (38).
93. Антон . . . » 1909 г. (38).
Ирина . . . » 1911 г. (38).
94. Семен . . . » 1914 г. (38).
Анна . . . » 1907 г. (43).
95. Николай . . » 1903 г. (48).
Анимина . . » 1900 г. (48).
Наталья . . » 1905 г. (48).
Агрипина . . » 1909 г. (48).
Анна . . . » 1913 г. (48).
96. Моисей . . . » 1906 г. (49).
97. Прокопий . . » 1907 г. (47).
98. Степан . . . » 1911 г. (47).
99. Александр . . » 1914 г. (47).
100. Семен . . » 1913 г. (43).

VI поколение.

(использованные материалы кончаются 1915 годом).

Ксения . . род. 1894 г. (58).
101. Иван . . . » 1899 г. (58).
102. . . . . . » 1898 г. (61).
103. . . . . . » 1904 г. (61).
104. . . . . . » 1908 г. (61).
105. Сергей . . » 1902 г. (63).
Мария . . . » 1901 г. (63).
106. Антоний . . » 1906 г. (63).
Евдокия . . род. ? г. (64).
107. Иван . . . » 1913 г. (64).
108. Иван . . . » 1910 г. (65).
Мария . . . » 1911 г. (65).
109. Егор . . . » 1910 г. (65).
110. Иван . . . » 1900 г.
Прасковья . . » 1911 г. (70).
111. Андрей . . . » 1909 г. (70).

112. Алексей . . род. 1892 г. (71).
Устинья . . » 1900 г. (71).
Юльяния . » 1903 г. (71).
113. Сергей . . » 1908 г. (71).
114. Федор . . . » 1910 г. (71).
115. Ефимий . . » 1907 г. (72).
Мария . . . » 1911 г. (72).
Ксения . . . » 1913 г. (72).
Варвара . . » 1896 г. (76).
116. Василий . . » 1898 г. (76).
117. Владимир . род. 1901 г. (76).
118. Иван . . . » 1905 г. (76).
Анастасия . » 1901 г. (76).
119. Тимофей . . » 1905 г. (80).
120 Василий . . › 1908 г. (84).
121. Михаил . . › 1913 г. (84).
122. Семен . . . » 1908 г. (85).
123. Тимофей . . » 1911 г. (85).
124. Алексей . . » 1914 г. (86).

№ 2. Фамилия Жеребкиных.

I поколение.

1. Алексей . . . р. 17 ? г.

II поколение.

2. Андрей . . . р. 1799 г. (1).
3. Абрам . . . р. 1803 г. (1).
4. Петр . . . . р. 1804 г. (1).
5. Кондратий . . . р. 1807 г. (1).

III поколение.

6. Тимофей . . . р. 1827 г. (2).
Ненила . . . р. 1823 г. (2).
Агафья . . . р. 1824 г. (2).
7. Степан . . . р. 1836 г. (2).
Агафья . . . р. 1822 г. (3).
Ксения . . . р. 1827 г. (3).
Евфимия . . . р. 1832 г. (3).
8. Никифор . . . р. 1841 г. (3).
Ненила . . . р. 1823 г. (4).
9. Николай . . . р. 1830 г. (4).
10. Никифор . . . р. 1832 г. (4).
11. Михаил . . . р. 1839 г. (4).
Ксения . . . р. 1825 г. (5).
12. Алексей . . . р. 1844 г. (5).

IV поколение.

13. Матвей . . . р. г. (6).
Анна . . . р. 1886 г. (7).
Мария . . . р. 1851 г. (9).
14. Федор . . . р. 1867 г. (9).
15. Михей. . . . р. 1864 г. (11).
Пелагея . . . р. 1868 г. (11).
Наталья . . . р. 1882 г. (11).
Мария . . . р. 1878 г. (11).
16. Федор . . . . р. 1890 г. (11).
17. Михаил . . . р. 1864 г. (12).
18. Иван . . . . р. 1870 г. (12).
Мария . . . . р. 1874 г. (12).
19. Григорий . . . р. 1879 г. (12).

V поколение.

20. Ефим . . . . р. 1887 г. (14).
21. Федор . . . . р. г. (17).
22. Григорий . . . р. г. (17).
23. Иван . . . . р. 1888 г. (18).
Александра . . р. 1896 г. (18).
24. Георгий . . . р. 1889 г. (18).
Анна . . . . р. 1903 г. (18).
25. Данило . . . . р. 1907 г. (18).

№ 3. Фамилия Яшкиных.

I поколение.

1. Яштак . . . р. 1770 г.

II поколение.

2. Ефим . . . . р. 1794 г. (1).

III поколение.

3. Ермолай . . . р. 1817 г. (2).
4. Дементий . . . р. 1828 г. (2).

IV поколение.

5. Алексей . . . р. 1849 г. (3).
6. Павел . . . р. 1852 г. (3).
7. Димитрий . . . р. 1850 г. (4).

Устинья . . . р. 1856 г. (4).
Анисья . . . р. 1860 г. (4).
Матрена . . . р. 1874 г. (4).

V поколение.

8. Егор . . . . р. 1879 г. (6).
9. Василий . . . р. 1872 г. (7).

VI поколение.

10. Тимофей . . . р. 1899 г. (8).
11. Семен . . . . р. 1901 г. (8).
12. Иван . . . . р. 1906 г. (8).
13. Ефим . . . . р. 1912 г. (8).
14. Михаил . . . р. 1916 г. (8).
15. Иван . . . . р. 1894 г. (8).
16. Михаил . . . р. 1897 г. (9).
17. Дмитрий . . . р. 1902 г. (9).
18. Иван . . . . р. 1907 г. (9).
19. Семен . . . . р. 1911 г. (9).

VII поколение.

20. Александр . . р. 1918 г. (10).
21. Анатолий . . . р. 1921 г. (10).

№ 4. Фамилия Аркадьевых.

I поколение.

1. Ефим (год рождения неизвестен).

II поколение.

2. Егор . . . . р. 1810 г. (1).
3. Гурий . . . . р. 1803 г. (1).

III поколение.

4. Михаил . . . р. 1826 г. (3).

IV поколение.

5. Фома . . . . р. 1859 г. (4).

V поколение.

6. Никифор . . . р. 1886 г. (5).
7. Константин . . р 1879 г. (5)

Потомства нет. Семьи Аркадьевых в Ивановке не существует.

Список иллюстраций исполненных В. А. Татариновым.

1. На обложке изображена «Юба»—это языческий намогильный памятник, уцелевший на кладбище с. Ивановки. Оттуда доставлен в Самарский Государственный Областной Музей, где в этнографическом отделе хранится вместе с другими предметами быта чуваш. Рисунок повторен на странице—84.

2. Узоры чувашских вышивок срисованы с костюма, доставленного из Ивановки в тот же музей. Костюм приобретен в семье Юртайкиных.—Стр. 7, 41, 70.

3. Каменные столбы на реке Безенчук, поставленные на месте крещения чуваш в 1830 году. Во время весеннего разлива вода иногда заливает столбы, или до них доходит, как изображено на рисунке.—Стр. 23, 82.

4. Курная изба принадлежавшая Юркушихе, описана в последней главе. Была обитаема до осени 1924 года. Это единственная курная изба, уцелевшая в Ивановке.—Стр. 25.

5. Околица села, обращенная на юг. Вдали видны поля Ивановки и курган «Турпай»; за него в XVIII столетии чуваши ходить боялись, опасаясь калмыков. Возле околицы находится оригинальный формы шалаш, в котором помещается ночной сторож.—Стр. 35, 96.

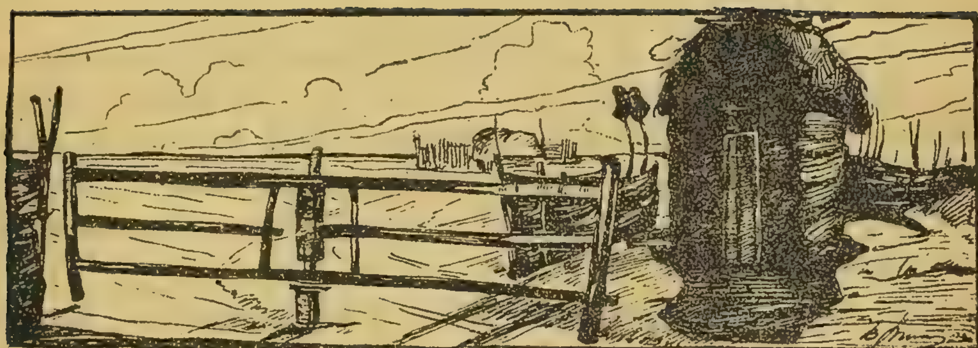
6. Группа домов в Ивановке на улице Япланай.—Стр. 52.

7. Фигура ёмзи в чувашском национальном костюме. Курит трубку. Зарисована на кладбище в день празднования «Семика».—Стр. 55.

8. Череп лошади на изгороди в Ивановке. По верованиям чуваш-язычников, череп лошади отгоняет от двора злых духов.—Стр. 58.

9. Изба в селе Ивановке на улице Япланай.—Стр. 59.

10. Памятник, поставленный по распоряжению графини А. А. Орловой-Чесменской в память крещения чуваш. Он стоит в стороне от села, над обрывом к реке Безенчуку.—Стр. 83.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От автора	3
Введение	5
Природные особенности района	9
Историко-этнографический очерк	13
Социально-экономические и аграрные отношения в крепостную эпоху	17
Краткая история сельского хозяйства в районе	19
История села Ивановки	23
Голодные годы	28
Земельная теснота и аграрная революция в 1917—19 годах	35
Землеустроительные действия в Ивановке после аграрной революции	41
Социально-экономические отношения и состояние производственных элементов в Ивановке в 1924 году	45
Община в селе Ивановке	52
Выделившийся из общины поселок	59
Сельско-хозяйственный кредит в Ивановке	67
Монографии крестьянских хозяйств	70
Заключение	79
Приложения:	
Из церковной летописи с. Ивановки	83
Отрывки из той же летописи	87
Родословые таблицы крестьянских семейств с Ивановки	91
Список иллюстраций	95
Схемы родословных таблиц (на особом листе)	

Печатать разрешается Самгублито 25 февраля 1926 г. № 342. Тираж 1500.

Схема к родословной таблице № 1.

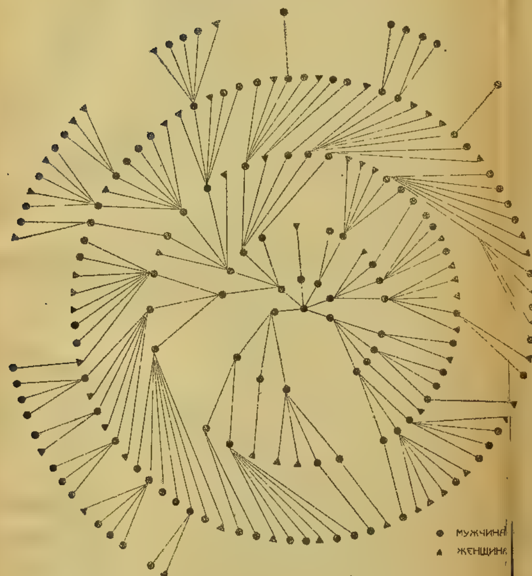

Схема к родословной таблице № 2.

Схема к родословной таблице № 4.

Схема к родословной таблице № 3.

Цена 1 р. 25 к.

Склад издания О-ва А. И. Э. и Е.
Самара, Ленинградская, 77.

